Маневры неудачников

Автор:
Сергей Мусаниф

Маневры неудачников

Сергей Мусаниф

Роман Валерьевич Злотников

Вселенная неудачников #2

Как известно, главное на войне – это маневры, и хотя война во Вселенной неудачников еще толком не началась, маневры уже идут вовсю.

На границе исследованного сектора космоса происходит инцидент, способный стать поводом для военного столкновения между Империей и Альянсом, и Алекс, случайно оказавшийся в центре событий, делает все для того, чтобы не допустить подобного сценария. Однако ему предстоит узнать, что помимо трех населяющих галактику рас в конфликте заинтересована четвертая сторона и противостоять ей куда сложнее.

Роман Злотников, Сергей Мусаниф

Маневры неудачников

Пролог

Это был чертовски подходящий момент для того, чтобы задуматься о загробной жизни. Момент, когда человек отчетливо понимает, что минуты его сочтены, трепыхаться бесполезно, ибо предпринять он уже ничего не может, но время перед тем, как его глаза навсегда закроются, еще есть.

Совсем немного времени.

Двенадцать минут, если верить показаниям дисплея, выведенного на лицевой щиток боевого скафандра. Ну и сколько там еще времени требуется, чтобы человек умер от удушья.

Жизнь – чертовски забавная штука.

Если бы несколько лет назад кто-нибудь сказал мне, что я умру именно так… Впрочем, если бы несколько лет назад кто-нибудь сказал мне, что я умру не на Земле, а на другой планете, я бы уже не поверил, вне зависимости от прочих обстоятельств сего печального для меня события.

И хотя университетские приятели часто предупреждали, что смерть моя будет насильственной, я долгое время считал, что мне таки удастся умереть от старости.

Однако последние годы жизни разбили эту мою уверенность. За последние годы в моей жизни вообще многое поменялось.

Одиннадцать минут.

Сервоприводы скафандра еле двигаются. Энергоблок зацепило гранатой, и скоро самая совершенная в исследованном секторе космоса силовая броня превратится в уютный гроб, выполненный в форме человеческого тела. Что ж, свою основную функцию – сеять смерть и разрушение – силовая броня выполнила. Дополнительную – сохранить жизнь ее обладателю – выполнила почти до конца. Бой я все равно выиграл. Конечно, учитывая обстоятельства, это очень слабое утешение, но лучше уж такое, чем никакого вообще.

Десять минут.

Древние скандинавы верили, что воинов, павших на поле брани, ожидает Валгалла, вечная пирушка в чертогах Одина. Жратва, выпивка, метание топоров и прочие молодецкие забавы. Интересно, валькирии прилетают за павшими на другие планеты или их поле деятельности ограничено только родной планетой человечества? Если бы я был скандинавом и верил во всю эту чушь, явились бы за мной громкоголосые девицы, скачущие на облакогривых лошадках?

Жаль, что здесь про них уже почти никто не помнит. Суровая скандинавская религия пришлась бы весьма по вкусу всем трем расам, населяющим исследованную часть космоса и ожидающую Рагнарек. Хотя говорят, что скаари и так верят во что-то эсхатологическое.

Девять минут.

Сдыхающие датчики движения засекли какое-то шевеление. Кто-то недобитый пытался выбраться из-под обломков, и мне пришлось истратить на него еще один заряд встроенного в левый рукав брони плазмогана. Больше под кучей расплавленного строительного пластика никто не шевелился.

Это уже рефлекс.

Никогда не оставляй за своей спиной живых врагов. Вбито в мозг до такой степени, что работает даже тогда, когда и самой твоей жизни осталось всего ничего.

Азим был бы мною доволен. Я думаю, в итоге он и будет мною доволен, обнаружив меня среди мертвых тел и руин вражеских построек.

Красиво ушел, скажет он. Или еще что-то в том же духе.

Восемь минут.

Не знаю, как сейчас, но когда-то было принято считать, что значимость человека определяется количеством людей, пришедших на его похороны. Не думаю, что ритуал с моим участием мог бы собрать много народу. А если еще учесть, что многие мои знакомые разбросаны по разным планетам галактики, зрелище обещает быть еще более унылым.

Больше всех расстроится генерал Визерс, ему эти похороны обломают до сих пор непонятные мне планы, которые он строил вокруг моей персоны. Этот человек постоянно и так искусно врал, что я в конце концов перестал понимать, чего ему вообще нужно и на чьей он стороне. Впрочем, почему перестал? Я никогда и не понимал этого, хотя пару раз у меня некоторое время присутствовали иллюзии, что я начал что-то понимать…

Самое поганое, что моей стороны в этом дурацком конфликте вообще нет. Чужая война, чужие интересы. Я так до конца и не смог убедить себя, что являюсь частью местного человечества, точнее, того, в кого это человечество превратилось. Тысяча с лишним лет эволюции прошли мимо меня, но они не прошли даром для моих драгоценных потомков. Что для основной ветви развития, что для побочной.

Семь минут.

Есть еще небольшой шанс на спасение, но я стараюсь о нем не думать. То ли потому, что боюсь сглазить, то ли для того, чтобы не испортить себе последние минуты ложными надеждами.

Там, на низкой орбите, находится космический корабль, с которого я и высадился. На его борту сам Азим, великий и ужасный, следит за моей телеметрией в режиме реального времени, и он уже знает, что боевой скафандр получил повреждения, почти несовместимые с жизнью владельца.

Есть небольшой шанс, что он успеет пробиться через верхние слои атмосферы и совершить посадку до того, как мой мозг умрет от кислородного голодания. Шанс этот мизерный, но, поскольку он есть, я предпочту не снимать скафандр и медленно в нем задохнуться. Местная атмосфера убивает гораздо быстрее, хотя и вряд ли менее болезненно.

Шесть минут.

В этом вся беда «условно пригодных для жизни» планет. Человек становится слишком зависим от собственной техники. Любой сбой в работе жизнеобеспечивающего оборудования может стать летальным. Пробой жилого купола, неполадки с рециркулятором или банальный отказ респиратора.

Все системы продублированы, и некоторые даже не по одному разу, но идеальную защиту от дурака или форс-мажора изобрести так никому и не удалось. А кумулятивная граната, взрывающаяся прямо за твоей спиной, – это самый форс-мажор и есть. Если бы не скафандр, я бы уже был распылен по атмосфере в виде свободно перемещающихся атомов.

В космосе человек тоже зависим от собственной техники, но по своему опыту мне удалось узнать, что в космосе люди и не расслабляются так, как на планетах. Даже если никогда не смотреть в иллюминаторы, невозможно забыть про бесконечную пустоту, окружающую тебя со всех сторон, и даже бронированный борт самого современного линкора не кажется тебе достаточно защитой от этой пустоты, вечной, безразличной, сводящей с ума и убивающей. Космос враждебен по умолчанию, а к любой из планет человек рано или поздно привыкает.

И потому планеты, без всяких ограничений пригодные для жизни, ценятся так дорого. Ну и еще потому, что их не так уж много.

Последние годы в воздухе чаще других витает одна фраза: «Галактики не хватит на всех».

Скоро ею можно будет оправдать любые зверства и преступления, вплоть до геноцида. Впрочем, геноцид уже запланирован, и вычеркнуть его из плана пока не удалось даже Визерсу.

Пять минут.

Я лег на спину. Совсем не потому, что мне хотелось перед смертью увидеть небо – этот вид никогда не был для меня приоритетным, да и затянутое красными облаками небо чужой планеты меня не особенно впечатляло. И не потому, что надеялся рассмотреть точку корабля Азима, пикирующую прямо на меня, как доблестная американская кавалерия, спасающая осажденных в форте героев в самый последний момент. Просто когда сервоприводы брони окончательно откажут и скафандр превратится в неподвижную оболочку, в которой я буду заперт, и максимум движений, на который я могу рассчитывать, – это шевеление кончиками пальцев, телу должно быть достаточно комфортно.

Четыре минуты.

Забавно, а я ведь даже не ранен.

Десятки трупов и сотни квадратных метров выжженной земли являются делом моих рук, а на мне нет даже царапинки. То ли в везении дело, то ли в моем чувстве опасности, а может быть, это исключительно заслуга моего костюма. Когда энергоблок скафандра превратился в хлам, я почувствовал лишь легкий толчок в спину. Боевая броня «Черных драконов», элитного подразделения левантийского спецназа, весит полторы тонны и позволяет творить немыслимые для гражданского человека вещи. Те, которые я творил здесь еще пятнадцать минут назад, и еще пара десятков фокусов в запасе. Только вот когда у нее садятся батарейки, она превращается в гроб. Полуторатонный и неподвижный.

Вы пробовали сдвинуть с места полторы тонны, находясь под ними? Результат представляете? И я представляю.

Совершенно никакого результата.

Три минуты.

Хоть бы этот чертов дисплей сдох первым. Не самое приятное – видеть прямо перед глазами цифры, отсчитывающие последние секунды твоей жизни, и видеть, как быстро эти секунды истекают. Но и выключать его я не хочу. Вот если бы он вырубился сам…

А вообще, я довольно неплохо держусь. Я думал, будет хуже. А тут ни слез, ни истерики, и даже паники особой нет. Значит ли это, что я уже смирился со своей гибелью и теперь мне все равно, или же, наоборот, в глубине души я уверен, что Азим успеет и это еще не конец?

Или все еще действует впрыснутый в кровь боевой коктейль?

Черт его знает.

А в какие-то моменты я уже ловил себя на том, что не особенно верю в происходящее. Скачок на полторы тысячи лет вперед не мог не оставить в моем разуме вообще никаких следов.

Две минуты.

Ладно, Леха, признаем честно. Карьера звездного десантника – это не совсем то, о чем ты мечтал всю свою жизнь, но, с другой стороны, большим везением можно считать уже то, что ты дожил до этого вот момента. За последние четыре года смерть являла тебе свой злорадный оскал уже не единожды, и тебе каждый раз удавалось от нее ускользать. Итог закономерен, рано или поздно это должно было случиться.

Жалеешь ли ты о том, что согласился тогда на эту курортную поездку в Белиз? Вот только честно, заглянув в глубину своей души и положа руку на сердце, фигурально, потому что сейчас тебе лучше вообще не двигаться.

Черта с два ты жалеешь.

Несколько лет насыщенной жизни или несколько десятилетий медленного и скучного увядания, что бы ты выбрал тогда, если бы заранее знал, к чему тебя приведет это путешествие в тропики?

Ответ достаточно прост, и жалеть, по большому счету, не о чем. В той, прошлой жизни Алексею Каменскому в общем-то ничего не светило. А здесь у него был шанс.

И ерунда, что не срослось. Многие мечтали бы о такой возможности.

Одна минута.

Мыслей в голове уже не осталось, глаза следят за неминуемым отсчетом последних секунд.

Тридцать четыре. Тридцать три.

Вот она, истинная магия цифр.

Когда следишь за закачками из Интернета, то смотришь на этот обратный отсчет и хочешь, чтобы цифры сменяли друг друга как можно быстрее. Сейчас же хочется, чтобы время пошло вспять.

Но такого не бывает даже тут. В мире, где есть галактические перелеты, машины времени и звездные десантники.

Четыре, три, две, одна, ноль.

Экран погас, и я оказался в абсолютной темноте. Это логично и закономерно, ибо теперь скафандр окончательно превратился в гроб, и даже вылезти из него уже нет никакой возможности.

Какие там первые признаки кислородного голодания?

Часть первая

Мелкие неприятности и большие расклады

Глава 1

Когда я приперся на свое рабочее место, у меня все еще было похмелье.

Правильное такое похмелье. Правильное похмелье – это не столько состояние твоего измученного организма, сколько состояние души. Хотя и организму тоже достается, конечно.

Мое похмелье было чудовищным.

Тело ныло словно после трехдневного непрерывного загула в квартале красных фонарей на Леванте или после ночного марш-броска в полной боевой выкладке при отключенных сервоприводах, что по нагрузкам на организм примерно одинаково. Голова раскалывалась, будто ее обрабатывали кувалдой трое портовых грузчиков, восполнявших отсутствие специальных навыков общей физической подготовкой и немереным энтузиазмом. Несмотря на принятые с

утра душ и специальные таблетки, к началу рабочего дня мне все еще было нехорошо, и я старался перемещаться в пространстве со всей возможной аккуратностью, чтобы от резких движений мои глаза не выпали из глазниц и не растеклись по полу.

Первое, что я увидел, войдя в свой скромный офис, были ботинки Ромы, которые лежали на моем рабочем столе. В ботинках обнаружились Ромины ноги. Остальная часть вышеупомянутого джентльмена лежала в моем кресле и пялилась в мой монитор. Не удивлюсь, если эта остальная часть читала мою служебную почту.

– Хреново выглядишь, – сказал Рома, на мгновение скосив глаза в мою сторону.

– Чувствую себя так же, – признался я.

– Глядя на тебя, я понимаю, что принял совершенно правильное решение, покинув вакханалию в полночь, – сказал Рома.

Мы вчера пили в торговом представительстве корпорации «Накатоми», входящей в Консорциум Бизнесменов, и эта сволочь действительно смоталась раньше всех. А я остался, увлеченный дискуссией с Джо Кантреллом, возглавляющим торговое представительство и являвшимся хозяином той вечеринки. Дискутировали мы в основном о женщинах.

– Прими таблеточку, – посоветовал Рома.

– Уже, – сказал я. – Жду, пока подействует.

– Не понимаю я этого, – сказал Рома. – Вы, пьющие накануне рабочего дня, на что рассчитываете-то? На самом деле верите, что завтрашний день так и не наступит?

– Просто я не думал, что утром будет такой эффект, – признался я. – Раньше я за собой склонности к тяжелому похмелью не замечал. Должно быть, я старею.

– Или становишься более наблюдательным, – сказал Рома.

– Я посмотрю, как ты запоешь, когда доживешь до моих седин, – сказал я, сбрасывая его ноги со стола и усаживаясь во второе свободное кресло. Вообще-то оно предназначалось для посетителей, а не для хозяина кабинета, но сейчас мне не до церемоний.

– Хронологически ты старше меня всего на два года, – сказал Рома.

Я не стал просвещать его относительно настоящей даты моего рождения, отделенной от сегодняшнего дня несколькими тысячелетиями. По моим новым документам – это был уже третий по счету комплект – мне было двадцать шесть. Примерно столько же я за собой и числил, хотя временами чувствовал себя гораздо старше.

Вместо этого я спросил, какого черта Рома забыл в моем кабинете.

– Я – дежурный техник, и у меня нет собственного офиса, – сказал Рома. – Зато у меня есть коммуникатор, и в случае возникновения экстренной ситуации, требующей моего присутствия, меня можно найти где угодно. Кстати, сейчас я должен проводить плановый осмотр нижних ярусов.

– Тогда почему ты здесь, а не на нижних ярусах?

– А чего я там не видел? – спросил Рома. – Там только кабели и трубы и никогда ничего не происходит. По крайней мере, не происходит ничего такого, на что плановый осмотр может повлиять. Я имею в виду, если там через пять минут что-то и коротнет, сейчас этого все равно не увидишь.

– Непыльная у тебя работенка.

– А у тебя пыльная?

– Между прочим, я работаю в службе безопасности, – сказал я. – Мы тут вроде как всеобщую безопасность обеспечиваем.

– Ага, – сказал Рома. – Ключевые в этой фразе слова – «вроде как». Потому что я не помню, чтобы в последнее время нашей безопасности кто-то угрожал.

Тут он прав. С тех пор как меня повысили и перевели в старшие по смене, моя работа тоже стала очень даже непыльной. Карманников ребятишки ловят и без моего участия, а более серьезные проблемы тут возникают нечасто. Самым запоминающимся событием последних двух месяцев стала утилизация отходов после дуэли, учиненной на территории посольства скаари. Отходы были тщательно расчленены церемониальным силовым мечом и аккуратно сложены в пластиковый контейнер. Контейнер был нами торжественно и с соблюдением всех положенных случаю ритуалов предан промышленному мусоросжигателю в присутствии представителей клана, к которому принадлежал усопший. Мое участие заключалось в том, что я подписал две соответствующие бумаги и набил в компьютер отчет о происшествии.

Чисто рабочий инцидент. В Гегемонии Скаари дуэли разрешены, территория посольства считается территорией Гегемонии, и за безобразия, которые там творятся, служба безопасности никакой ответственности не несет.

Более того, даже если все скаари перебьют друг друга в суицидальном для их расы порыве, скорбь человечества будет недолгой и вряд ли искренней. То же самое верно и по отношению к кленнонцам. Чем меньше народу останется в исследованном секторе пространства, тем оно для человечества лучше и безопаснее.

Минут через пятнадцать таблетка все-таки подействовала, и я нашел в себе силы согнать Рому с моего рабочего кресла и усесться в него самому. Рома плюхнулся в кресло для посетителей, счел его неудобным и предложил сходить куда-нибудь выпить по чашечке кофе.

Чай, кофе, алкоголь… Все это было вне закона на территории Демократического Альянса, но вполне доступно за его пределами.

На Леванте был в ходу даже табак, и мне стоило большого труда заново к нему не пристраститься. Пара-тройка кальянов, выкуренных во время посещения увеселительных заведений, не в счет.

Курение не доставляет проблем на поверхности планеты, но просто немыслимо в замкнутом пространстве космической станции, где мы сейчас и находились. Если бы я снова начал курить на Леванте, здесь мне пришлось бы бросать второй раз, и я не думаю, что это намного легче, чем бросать курить впервые.

А первый раз запомнился мне очень неприятным, учитывая сопутствовавшие ему обстоятельства.

– Я, конечно, понимаю, что в твоем состоянии мыслительные процессы заторможены, – сказал Рома. – Овощи вообще не отличаются высокой скоростью мышления, но десять минут раздумывать над предложением выпить по чашечке кофе – это небольшой перебор, ты так не считаешь?

– Отстань, – сказал я. – Я смотрю сводку происшествий за прошлую смену.

– Я уже посмотрел, – сказал Рома. – Там нет ровным счетом ничего любопытного.

– Как это ты посмотрел? – осведомился я. – Не помню, чтобы я давал тебе свой пароль.

– Пароль – это всего лишь условность, – сказал Рома. – Надуманное препятствие, которое может встать на пути только у человека с неразвитым интеллектом.

– На территории Альянса хакерам положена смертная казнь, – сказал я. – Преступления в области цифровых технологий приравнены к терроризму.

– Наверное, хорошо, что мы сейчас не на территории Альянса, – сказал Рома. – Должен признаться, что я совершенно не скучаю по дому.

Демократический Альянс был не самым лучшим местом для жизни. Я тоже совершенно по нему не скучал и за последние три года, что я провел за его пределами, не встретил еще ни одного человека, который признался бы в обратном. Впрочем, я встречал не так уж много эмигрантов и готов признать сию выборку нерепрезентативной. Люди, у которых есть причины любить Демократический Альянс, обычно в эмиграцию не отправляются.

А у большинства тех, кто хотел бы покинуть его пределы, на это элементарно нет средств. Вселенная неудачников до сих пор периодически является мне в ночных кошмарах. Во сне я возвращаюсь в каморку, которую мы с Бивисом Балленбахером делили на двоих, только на этот раз меня не берут в армию по состоянию здоровья и покинуть проклятое место я так и не могу. После таких снов я просыпаюсь в холодном поту.

– Кофе, – напомнил Рома.

– Сводка происшествий, – напомнил я.

– Никогда не видел, чтобы люди читали, глядя мимо монитора. Ты снова пялишься в стену.

– Да, – согласился я после некоторого раздумья. – Работник из меня сегодня аховый.

– Тут я мог бы сказать, что чашка кофе исправит эту ситуацию, но это было бы наглой ложью, – сказал Рома. – Врожденная честность не позволяет мне произносить такие вещи вслух.

– Если ты так хочешь кофе, почему не пойдешь один?

– Мне будет скучно, – сказал Рома. – Хотя ты этим утром тоже какой-то не компанейский.

– Это потому что я пытаюсь работать, – объяснил я. – Получается у меня плохо, но я все равно пытаюсь. А тебе лучше отправиться на плановый осмотр нижних ярусов, или что ты там еще должен осматривать по графику.

Но вместо этого мы все равно отправились пить кофе.

Идти было недалеко. Маленькое полностью автоматизированное кафе находилось всего двумя уровнями ниже моего офиса, и уже через десять минут мы устроились за небольшим столиком, а перед нами стояли две чашки ароматного свежесваренного кофе. Народу в заведении было немного – кофе в будущем не пользовался большой популярностью. Даже не знаю, откуда у Ромы, воспитанного в искоренившем вредные привычки, ратующем за здоровый образ жизни Альянсе, такая тяга к этому напитку.

– У меня какие-то очень нехорошие предчувствия, – сказал Рома.

– По поводу?

– Вообще.

– А раньше с тобой такое бывало?

– Постоянно. Вся моя жизнь – это сплошные очень нехорошие предчувствия.

– Как часто они сбывались?

– Постоянно.

– Застрелись, – посоветовал я. – Возможно, это вовсе не предчувствия. Возможно, ты сам генерируешь свои неприятности.

– У меня бывают нехорошие предчувствия, касающиеся не только меня.

– Тогда тем более застрелись.

– Ты какой-то недобрый.

– Я невыспавшийся, – сказал я. – И вообще, учитывая обстоятельства, это я должен донимать тебя своими нехорошими предчувствиями, а не наоборот.

– А ты тоже предчувствуешь что-то нехорошее?

– Если в наше время какой-то человек в исследованном секторе космоса предчувствует что-то хорошее, это диагноз. Причем неоперабельный.

– Ну да, – сказал Рома. – Ожидание войны висит в воздухе и все такое…

Ожидание войны висело в воздухе уже довольно давно. Оно повисло там задолго до моего появления в этом времени, так что ничего нового Рома мне сообщить не мог.

Каждая локальная стычка поначалу воспринималась как начало той самой большой войны. Пропаганда пропагандировала, истерическая общественность

истерировала, пофигистическая общественность относилась ко всему этому с присущим ей пофигизмом, а военные довольно потирали руки и наращивали огневую мощь.

Три года назад все были уверены, что свалка на Новой Колумбии, которая по масштабу превосходила все предыдущие локальные стычки, вместе взятые, – это и есть начало большой войны. Впервые в истории на одной планете схлестнулись все три расы, и мало кто ожидал, что в итоге ситуацию удастся разрулить мирным путем.

Однако удалось.

Гегемония Скаари открестилась от начавшего экспансию клана Прадеша, сообщив, что тот действовал на свой страх и риск и отвечать за его поступки или мстить за его гибель прочие кланы не собираются. Конечно, при желании вторжение скаари можно было использовать как казус белли, но, по счастью, подобного желания никто не испытывал.

Демократический Альянс заявил, что вообще не принимал никакого участия в военных действиях на Новой Колумбии и его флот был выведен из системы накануне вторжения. На тот факт, что последние корабли Альянса покидали локальное пространство уже под огнем скаари, внимания никто не обратил. История приключений отряда десантников, оставшихся на планете после ухода флота, вообще нигде не всплывала. Вероятнее всего, файл с этим делом хранится в архивах СБА с грифом «Перед прочтением сжечь».

Так же тщательно руководство Альянса замалчивало ответ на вопрос, каким образом кленнонский военный флот так быстро смог добраться до Новой Колумбии и принять участие в боевых действиях до того, как скаари установили окончательный контроль над планетой.

В результате всей этой истории Кленнонская Империя получила больше всего плюшек.

Во-первых, кленнонцы хапнули себе целую планету, а планеты, пригодные для жизни, были главной ценностью исследованного сектора космоса.

Во-вторых, они продемонстрировали, что ничуть не уступают самой старой расе галактики в боевой мощи, раздолбав скаари в честном бою.

В-третьих, они решили кучу каких-то своих внутренних проблем, в том числе отодвинув набирающего большой политический вес адмирала Реннера на самые задворки сферы влияния Империи.

Впрочем, это была редкая операция, когда все участвовавшие в конфликте стороны решали свои внутренние проблемы, которые на тот момент перевешивали проблемы внешней политики, и никто из больших парней не ушел обиженным. Пострадало только население планеты, в течение месяца дважды перешедшей из рук в руки, но такие мелочи большие игроки в расчет никогда не принимали.

С точки зрения больших политиков, это была не война. Это был балет, заранее срежиссированный танец, где каждое па было просчитано до мелочей, и финал этого балета был известен заранее. Всем, кроме тех, кто танцевал на сцене.

Больше всего в этой ситуации меня волновала судьба сержанта Дюка, единственного, кроме меня, кому удалось выжить из нашего отряда, но справки, наведенные Асадом по дипломатическим каналам, никакой информации не выявили, а использовать шпионские каналы Асад наотрез отказался из опасения засветить свои источники информации.

По крайней мере, он сам мне так сказал. Асад ад-Дин был хитрым, двуличным и прожженным до мозга костей политиком, выросшим в атмосфере постоянных дворцовых интриг, и я не сомневаюсь, что он мог мне солгать, возникни у него такая необходимость. Но насколько я мог судить, в данном случае такой необходимости у него не было, и я просто ему поверил.

– Вообще, я тебе удивляюсь, – сказал Рома.

– Чему именно ты удивляешься?

– Тому, что ты до сих пор здесь.

– А где еще я должен быть, по-твоему?

– Дураку понятно, что, когда начнется свалка, космические объекты будут уничтожены в первую очередь, хотя бы потому, что их проще всего уничтожить, и все здравомыслящие люди стараются свалить из космоса на планеты. По крайней мере, те, у кого есть такая возможность. У тебя такая возможность есть, а ты до сих пор торчишь на станции. Почему?

– У тебя ущербная логика, – сказал я. – В первую очередь следует уничтожать вовсе не те объекты, которые проще всего уничтожить, а те, которые имеют стратегическую ценность. Обломок астероида, на котором мы сидим, никакой стратегической ценности не имеет. Единственный космический объект, которому во время свалки что-то угрожает, – это база ВКС «Спектрум», хотя бы потому, что там ремонтируется третья часть военного флота Альянса. Все остальное никому на фиг не нужно.

– Я слышал, «Спектрум» собираются отбуксировать поближе к Солнечной системе.

– Зачем? – удивился я.

– Типа, там ее легче будет защитить.

– Но там она никому и не нужна, – сказал я. – В Солнечной системе есть марсианские верфи, справляющиеся с ремонтом кораблей куда лучше «Спектрума». Собственно, вся ценность «Спектрума» и заключается в его уникальном местоположении, которое позволяет кораблям Альянса не возвращаться в Солнечную систему для ремонта. Кроме того, буксировать космический объект такого размера слишком дорого. Дешевле демонтировать самое ценное оборудование и бросить саму базу на откуп врагу. Или взорвать ее к чертовой бабушке, чтобы она врагу не досталась.

– Я тоже так думаю, – сказал Рома. – Но проблема в том, что мое мышление кардинальным образом отличается от мышления наших вояк. Военные любят все большое и красивое, а «Спектрум» – это чертовски здоровая блестящая штуковина, чтобы они могли просто так отказаться от своей любимой игрушки.

– Это сейчас, – сказал я. – Когда начнется свалка, все изменится. Существует такое понятие, как военная необходимость.

– Есть еще такое понятие, как инерция мышления. Многие военные от него страдают.

– Меня дико раздражает идея о том, что среднестатистический штатский умнее среднестатистического военного, – сказал я. – Тебя послушать, так в армии вообще одни неандертальцы служат.

– Мой отец был военным, – сказал Рома. – Я ненавидел своего отца.

– Это твоя личная драма, – сказал я.

– И потом, я – не среднестатистический штатский. Я умнее.

– И ты думаешь, что в армии нет никого умнее тебя? Или хотя бы твоего же уровня? – уточнил я.

– Ты еще расскажи мне, что ВКС – это щит человечества, единственное, что защищает нас от угрозы уничтожения, – процитировал Рома фразу из пропагандистского ролика Альянса.

– Учитывая ситуацию в галактике, ты должен признать, что в этих словах есть смысл, – сказал я.

– Проблема только в том, что от угрозы уничтожения этот щит нас все равно не спасет, – сказал Рома. – Когда начнется свалка – это будет конец всему. Кто бы ни выиграл в этой войне, человечество получит смертельный удар, от которого мы уже никогда не оправимся.

– Давно ты примкнул к сторонникам «рагнарека»?

– Я, скорее, сторонник апокалипсиса, – сказал Рома. – Рагнаристы считают, что кому-то удастся выжить и начать новый виток развития. Я же думаю, что свалка поставит в истории человечества одну большую жирную точку.

– И как тебе живется с подобными взглядами? – поинтересовался я.

Он пожал плечами:

– Я уже не помню времен, когда у меня были другие взгляды. Так что мне не с чем сравнивать.

– И каковы твои планы на будущее?

– Сегодня с утра ты едок и язвителен, друг мой, – сказал Рома. – Но, несмотря на это, я все равно тебе отвечу. Я собираюсь накопить достаточно денег, чтобы эмигрировать на какую-нибудь захудалую планету и прикупить себе там ранчо с личным бомбоубежищем. Свалка будет долгой, так что у меня есть все шансы умереть от старости и не узнать, чем все кончилось. Хотя я уже сейчас знаю, что ничем хорошим это не кончится.

– И снова ущербная логика, – сказал я. – Свалка будет долгой, но отнюдь не повсеместной. Всегда будут существовать какие-то островки спокойствия, до которых война еще не докатилась. С другой стороны, ты никогда заранее не узнаешь, в какой очередности планеты попадут под волну атаки, следовательно, не сможешь правильно выбрать ту, которая позволит тебе дожить до естественной смерти от старости. Если ты просто хочешь прожить как можно дольше, тебе нужно покупать не ранчо с бомбоубежищем, а космический корабль, достаточно быстрый, чтобы вывести тебя из-под удара.

– По сути ты прав, но тут есть две сложности, – сказал Рома. – Во-первых, я не умею управлять космическим кораблем.

– Это несложно, – сказал я.

Мне удалось освоить сие нехитрое искусство всего за полгода усиленных тренировок на Леванте. Конечно, любовь к космическим симуляторам, в которые я играл в своей «прошлой» жизни, здорово мне в этом помогла, но я полагаю, что пилотировать современные космические корабли гораздо проще, чем управлять самолетами в двадцатом веке. Хотя самолетами в двадцатом веке я и не управлял.

– Поверю тебе на слово, – сказал Рома. – Вторая сложность заключается в том, что приличный космический корабль стоит раз в десять дороже, чем ранчо с личным бомбоубежищем на какой-нибудь захудалой планете, и если на ранчо я и смогу накопить до начала свалки, то мои шансы за этот же срок накопить на

космический корабль стремятся к нулю. Хотя теперь я понимаю, почему ты такой спокойный. Ты-то уверен, что в случае опасности сможешь свалить отсюда в несколько минут, да?

– Если что, я возьму тебя с собой, – пообещал я.

– Что человек, у которого есть собственный космический корабль, вообще делает в службе безопасности этой помойки? – тоскливо поинтересовался Рома.

– То же, что и ты. Зарабатывает себе на жизнь, – сказал я.

– То есть на корабль ты заработать смог, а на жизнь – нет?

– Я на корабль не зарабатывал, это подарок, от которого неудобно было отказываться, – сказал я. – Кроме того, он старый и списанный.

– Некислый подарок, – вздохнул Рома. – Кто бы мне космический корабль подарил? Пусть даже старый и списанный.

– Попытайся вспомнить, нет ли у тебя богатых родственников или друзей, у которых завалялся лишний космический корабль, – посоветовал я.

– Есть, – сказал Рома. – Ты.

– Он у меня не лишний.

– Жаль, – сказал Рома. – Впрочем, ты обещал взять меня с собой, если что. Это уже хоть что-то, и я собираюсь поймать тебя на слове.

– Не думаю, что в ближайшее время станции будет угрожать какая-то опасность, – заметил я.

И тут, словно издеваясь, у меня запищал служебный коммуникатор.

Глава 2

Мистер Реймондс, встретивший нас в опорном пункте охраны на третьем ярусе, оказался неопределенного возраста лысым толстячком, нервно комкающим в руках носовой платок. В опорном пункте охраны привыкли к нервничающим людям, поэтому персонал не обращал на него особого внимания, дожидаясь старшего по смене. То есть меня.

Рома, которому катастрофически не хотелось проводить плановый осмотр нижних ярусов, увязался за мной следом.

– Малыш Гарри пропал, – выпалил мистер Реймондс, едва мы переступили порог служебного помещения.

– Сколько лет малышу?

– Пять.

Черт побери.

Понятия не имею, куда смотрел этот идиот, потерявший пятилетнего ребенка на космической станции. Тут есть масса мест, в которых может спрятаться непоседливый пацан, и масса мест, прятаться в которых чрезвычайно опасно и взрослому. Те же нижние ярусы, которые требуют ежедневного планового осмотра…

– Давно это произошло?

– Не знаю. Я отлучился из своего номера, а когда вернулся, его уже не было… Он каким-то образом умудрился открыть дверь и…

– Когда вы заметили, что его нет?

– Минут двадцать назад.

Я попытался представить, как далеко может забраться на нашей станции оставленный без присмотра ребенок за двадцать минут. А скорее всего, времени прошло больше, так что очертить зону поисков можно только примерно…

– Как долго вас не было в номере?

– Около двух часов…

Нет, ну что за идиот? О чем он вообще думал, оставив пятилетнего ребенка на два часа? И где он эти два часа разгуливал, позабыв о родительской ответственности? Если ребенок покинул номер хотя бы полтора часа назад, теоретически его можно искать в любой точке станции, открытой для свободного доступа.

– А малыш Гарри… Вы понимаете, он обожает везде лазить… Попав в новую для себя обстановку, он наверняка нервничает и… словом, я боюсь, он может залезть куда-нибудь…

– Я тоже этого боюсь, – сказал я. – А вам не кажется, что, попав в новую для себя обстановку, малыш Гарри нуждался в более пристальном внимании?

– Э-э-э… это моя ошибка, я признаю…

Я махнул рукой. Сейчас не время признавать ошибки и искать виноватых. Космические станции – это довольно опасное для детей место, и чем раньше мы найдем малыша Гарри, тем спокойнее нам всем будет.

За пультом диспетчера сидел молодой парень по имени Фил. Наши смены совпадали нечасто, поэтому, кроме имени, я почти ничего о нем и не знал.

– Какие меры предприняты?

– Я дал распоряжение патрульным, – сказал Фил. – Кроме того, известил техперсонал, чтобы они внимательнее смотрели по сторонам. Надо бы привлечь народ из других смен, чтобы сформировать поисковые команды, но для этого моих полномочий недостаточно.

Поэтому он и вызвал меня.

А еще для того, чтобы свалить на меня ответственность за поиски. Для чего же еще существует начальство?

Я вполне понимал его чувства и еще некоторое время назад сам поступил бы точно так же. Но беспокоить главу службы безопасности пока еще незачем, а больше начальников у меня здесь и нет.

Я не люблю ответственность. Чем больше ее падает на мои широкие тренированные плечи, тем неуютнее и скованнее я себя чувствую. Жаль, что во взрослой жизни почти невозможно устроиться так, чтобы нести ответственность только за самого себя.

Привлекать к поискам ребят из других смен – это крайне непопулярное решение, которое очень не любят принимать люди вроде меня. Кроме того что оно непопулярное, оно еще и мало чего дает. Люди работают спустя рукава и в свое законное рабочее время, что уж тут говорить о времени, отведенном им на отдых. Здесь мало чего происходит, а это расслабляет даже тех, кто по служебному расписанию должен быть особенно бдительным. Небольшая космическая станция на самой границе исследованного сектора космоса…

Собственно, поэтому мы ее и выбрали.

Я уже было собрался дать сигнал «тихой тревоги», чтобы привлечь для выполнения задачи всех дееспособных на данный момент сотрудников, в то же время не нервируя гражданских, как заработал коммуникатор Фила и нам сообщили, что во втором зале прибытия происходит что-то странное. Справедливо рассудив, что тридцать секунд уже ничего принципиально не изменят, а тревогу можно поднять откуда угодно, лишь бы связь работала, я выдвинулся в сторону странного, а Рома, мистер Реймондс и Фил последовали в моей кильватерной струе. В конце концов, источником происходящих странностей мог оказаться и пропавший малыш, а тогда отрывать людей от отдыха будет совсем необязательно.

Еще двое охранников ожидали нас у стойки учета пассажиров, и, судя по их напряженным позам и задранным головам, странное происходило где-то под потолком, в сложном переплетении труб, кабелей и воздуховодов.

– Шикарно смотритесь, парни, – сказал Рома. – Скульптурная композиция «Смотрящие вверх» работы пока неизвестного мастера. Чего там?

– Понятия не имеем, – был ответ.

– Орлы! – сказал я. – Бдительность на высоте, наблюдательность вообще зашкаливает. А если это диверсант?

– Да кому мы тут нужны?

Ну и как прикажете работать с этими людьми? Они явно не проходили через учебку под присмотром дружелюбных сержантов и не стажировались в отряде «Черных драконов» Леванта под надзором не менее дружелюбных офицеров.

Однако строить их по стойке «смирно», заниматься строевой и политической подготовкой и всячески развивать их боеготовность у меня не было ни времени, ни желания. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих, а гигантская волна уже нависла над всеми разумными обитателями исследованного сектора космоса, и до потопа осталось не так уж много времени. Кто-то научится плавать самостоятельно, а кто-то станет кормом для рыб.

Под потолком метнулось что-то черное и стремительное, как бросающийся в атаку скаари. Впрочем, размерами до взрослого ящера оно явно недотягивало, а детенышей скаари за пределами Гегемонии никто никогда не видел. По данным разведки, несколько веков назад у скаари возникли какие-то сложности с воспроизводством и они берегут свой молодняк.

Что-то черное мелькнуло снова, и в голову полезли кадры из просмотренного в прошлой жизни фильма «Чужой». А ну как эта дрянь уже отложила где-нибудь свои яйца, и в ближайшем будущем станцию ожидает нашествие жутких зубастых монстров… И ни одного лейтенатна Рипли под рукой…

– Похоже, что это малыш Гарри, – вдруг сообщил нам мистер Реймондс, и беспокойство в его голосе смешалось с облегчением.

Я еще не успел толком подумать о пятилетнем ребенке, способном забраться на такую высоту и так лихо прыгать по воздуховодам, как Рома озвучил мои

сомнения:

– Это и есть ваш малыш? Там, наверху?

– Ну да, – раздраженно сказал мистер Реймондс. – А кто же еще? Или вы думаете, что на станцию одновременно прибыли два орангутанга и оба сбежали от своих владельцев?

– Орангутанг?! – возопил Фил. – Так все это время речь шла об орангутанге?

– А о ком же еще? – удивился мистер Реймондс.

– Вы идиот, – сказал я ему. – Вам трудно было сразу сказать, что малыш Гарри – это животное? Фил, ты тоже идиот, раз не задал ему самый главный вопрос и заставил людей искать не то и не там. И я идиот, потому что чуть не пошел на поводу у вас обоих и не поднял тревогу.

– Зато я – красавчик, – сказал Рома. – Потому что стою в сторонке и наслаждаюсь моментом.

– Животное?! – возопил оскорбленный в своих чувствах мистер Реймондс, который выхватил из моего спича только начало, а остальное пропустил мимо ушей. – Это, по вашим словам, животное – плод научного эксперимента, орангутанг с форсированным разумом, и по уровню развития он превосходит многих знакомых мне людей!

– Такие знакомства едва ли свидетельствуют в вашу пользу, – заметил ехидный Рома, продолжающий стоять в сторонке и наслаждаться моментом.

Мистер Реймондс задохнулся от возмущения.

– Не хами, – строго сказал я Роме. – А то в угол поставлю.

– По какому праву, интересно? Я тебе не подчиняюсь.

– По праву сильного, – сказал я.

– Это все здорово, конечно, – сказал Фил. – И что малыш Гарри нашелся, и что вы, парни, такие остроумные. Но мне интересно другое: как мы будет его оттуда снимать?

– Запросто, – сказал я. – Возьми ключи от арсенала и принеси мне винтовку.

– Вы с ума сошли! – Оказывается, мистер Реймондс вовсе не задыхался, а копил силы для нового вопля. На нас уже стали оборачиваться пассажиры, сошедшие с недавно прибывшего корабля и тонкой струйкой тянувшиеся к стойке регистрации. – Даже думать об этом не смейте! Это же живое существо! И очень ценное для науки, не говоря уже о его чисто материальной стоимости!

– Вот и следили бы лучше, если он такой ценный, – буркнул Фил.

– Если говорить о материальной стороне вопроса, то эта тварь прыгает среди весьма дорогостоящего оборудования, часть которого необходима для того, чтобы поддерживать жизнь на этой станции, – сообщил Рома. – И, как единственный среди вас представитель технического персонала, я считаю своим долгом вам об этом сообщить. Если выстрел повредит силовой кабель или оптоволокно…

– Не беспокойся, – сказал я. – Я очень метко стреляю.

– Тогда я снимаю все возражения, – сказал Рома. – Более того, как единственный среди вас представитель технического персонала, я считаю, что животное представляет угрозу в том месте, в котором оно сейчас находится, и лучше его оттуда удалить как можно быстрее. Пока оно само чего-нибудь не повредило. И если другого варианта нет, то я склоняюсь к предложению Алекса и сам схожу за винтовкой. Опять же, если мне дадут ключи от арсенала.

– Штатским не положено, – буркнул я.

Идея устраивать африканское сафари посреди космоса мне не особенно нравилась, но было понятно, что с обезьяной надо что-то делать. Снять ее оттуда живьем… Допустим, мне удастся загнать на верхотуру бригаду принудительно назначенных добровольцев. Орангутанг – тварь довольно сильная, а сейчас он попал в почти родную для себя среду, где скоростью и ловкостью он намного превосходит среднестатистического охранника из числа

моих подчиненных. Словом, если я хочу устроить травмоопасный цирк, мне надо послать людей наверх. А если не хочу?

– Если выставить парализатор на максимум, то можно накрыть его штатным оружием, и не надо будет никуда идти, – сказал Фил. – И малыш останется жив.

– Надолго ли? – поинтересовался я. – Тут метров пять лететь, а ну как он головой вниз свалится?

– Так хоть какие-то шансы, – сказал Фил. – И оборудование гарантированно не повредим.

– Я категорически против, – заявил мистер Реймондс.

– Тогда сами что-нибудь предложите, – сказал я. – В конце концов, если у этой зверюшки форсированный разум, попробуйте ее убедить спуститься. Или банан покажите.

– Боюсь, сейчас у нас с ним контакта не получится, – сказал мистер Реймондс. – Малыш явно на взводе…

– Я тоже уже почти на взводе, – мрачно сообщил я. – И вот-вот отправлю кого-нибудь за винтовкой, если вы больше ничего придумать не в состоянии.

– Кто-нибудь может залезть туда…

– И что? – спросил я. – Сколько нужно человек для того, чтобы скрутить человекообразную обезьяну, которая на взводе? Если учесть, что дело происходит на высоте в пять метров, развернуться там особенно негде, а лазает эта тварь явно быстрее, чем человек? Пойдете добровольцем в команду загонщиков?

Ученый смутился.

– Последние годы я несколько пренебрегал упражнениями и вряд ли нахожусь в хорошей физической форме…

– Проголодается – сам слезет, – сказал Фил.

Из-под потолка донеслось издевательское угуканье. Все больше народу стало задирать головы.

– Неплохая идея, – сказал я. Жаль, моя смена только началась, а то появился бы неплохой шанс, что принимать окончательное решение по обезьяньему вопросу будет уже кто-то другой. – Рома, какие шансы, что он там ничего не сломает? В смысле, не себе, а из оборудования.

– Я удивлен, что он до сих пор там ничего не оборвал, – сказал Рома. – Некоторые кабели на соплях держатся.

– Потрясающе, – сказал я.

– Я не шутил, когда рекомендовал убрать его оттуда как можно быстрее.

– Я уже понял.

– А если растянуть что-нибудь, чтобы амортизировать удар? – предложил Фил, продолжавший двигать свою идею с парализатором.

– Тут довольно большая площадь, – сказал Рома. – Поди угадай, куда именно он шмякнется.

– Еще можно отключить гравитацию…

– Отличная идея! – заявил мистер Реймондс. – В невесомости он будет достаточно неуклюж, если не сказать беспомощен, и вы легко сможете его поймать.

– Нет! – рявкнули мы с Ромой одновременно.

Станция устаревшая, и сила тяжести здесь поддерживается при помощи моноблочной генераторной системы, то есть отключить гравитацию только в этом секторе невозможно. А оставить без тяготения всю станцию, создать неудобство всем ее обитателям, прервать кучу технологических процессов, в

том числе и связанных с плановым обслуживанием космических судов, и все это ради одной обезьяны? Это нанесет огромный материальный ущерб, а также серьезный удар по репутации станции. И хотя на репутацию можно наплевать, потому что конкурентов в этом секторе у нас все равно нет, но финансовые потери будут весьма ощутимы, и владельцы, вне всякого сомнения, постараются, чтобы и персонал их тоже почувствовал. А это значит, что гравитацию нам отключить не дадут. Сомневаюсь, что ее стали бы отключать, даже если бы речь шла о жизни настоящего ребенка. Впрочем, снять с верхотуры ребенка было бы гораздо проще и без столь экзотических методов. Не говоря уже о том, что ни один ребенок не смог бы туда забраться по чисто физическим показаниям.

– Для того чтобы минимизировать ущерб от невесомости, понадобится часов пять, – сказал Рома уже спокойнее. – И я сомневаюсь, что главный инженер даст разрешение.

– Без Халлена не даст, – подтвердил я. – А Халлен никогда не разрешит.

– Кто такой этот ваш Халлен? – спросил мистер Реймондс.

– Главный администратор, – сказал Рома. – Он вообще тут самый главный.

– Тогда мне надо с ним поговорить.

– А вот это вряд ли. – Рома посмотрел на часы. – Даг Халлен еще спит. А когда Даг Халлен не спит, он ест. А когда Даг Халлен не ест…

– Хватит, – сказал я. – Поскольку альтернативы я все равно не вижу, начинайте очищать зал от гражданских и тащите парализаторы.

– Я выражаю категорический протест, – сообщил мистер Реймондс. – Как лицо, действующее в интересах науки…

– Вы тоже гражданский, – сказал я. – Так что не путайтесь под ногами, а то и вас выведем.

– В конце концов, мы же все-таки из парализаторов будем стрелять, – заметил Фил. – Так что шансы есть.

Полная расчистка территории заняла больше двадцати минут – регистраторам пришлось принять всех пассажиров с пристыковавшегося корабля, а потом вызванные мною ребята вывели и самих регистраторов. Мистер Реймондс, поняв, что на этот раз все серьезно и альтернативных решений нет, сначала пытался подманить малыша Гарри голосом, а потом плюнул на это безнадежное дело, попросил нас быть аккуратнее, после чего долго и нудно препирался с Филом, которого я вознаградил за инициативу и назначил снайпером.

Меня все это уже не слишком волновало, потому что я узнал одного из парней, прибывших с последней порцией пассажиров. Не узнать этого человека или спутать его с кем-то другим я бы не смог, даже если бы не обладал фотографической памятью.

Это был Азим.

А значит, вот-вот начнут происходить события, ради которых я и отправился в эту дыру и которых я здесь так долго ждал. Проблемы с обезьяной сами собой отошли на второй план.

Глава 3

События стали происходить уже к концу моей рабочей смены, но это были совсем не те события.

Их вообще никто не ждал.

Долговязый Джерри Ленгстром, глава службы безопасности станции, скрестил руки на груди и делал вид, что если он оторвется от стены, то эта стена непременно упадет. Доктор Телегин суетливо собирал свои инструменты, складывая их в небольшой чемоданчик, который он всегда носил с собой. Амальгама де ла Конта рыдала, прикрыв свою наготу довольно прозрачной и ничего не прячущей от любопытных глаз простыней.

Даг Халлен, главный администратор станции и всем нам начальник, лежал на кровати и смотрел в потолок немигающим взглядом. Ему и при жизни было наплевать на любого из здесь присутствующих в розницу или на всех вместе оптом. Теперь ему тем более было наплевать, потому что он умер.

– Сердце, – констатировал доктор Телегин. – Скорее всего, отказ кардиостимулятора.

– Неудивительно, – сказал Джерри. – При его образе жизни… Да и вообще, сколько ему было? Лет двести?

– Семьдесят шесть.

– Выходит, я здорово недооценил его образ жизни. Выглядел он на все двести, – сказал Джерри. Сколько я его знал, он всегда был спокоен и бесстрастен, говорил негромко, в немногих экстренных ситуациях, что у нас тут были, ни разу не терял хладнокровия и временами был очаровательно циничен. Словом, Джерри мне нравился.

– Лишний вес, – сказал Телегин. – Я говорил ему, что надо сбросить хотя бы килограммов двадцать, иначе и стимулятор может не выдержать…

– Я полагаю, ему все нечто подобное говорили. Все, с кем он вообще разговаривал, – сказал Джерри. – Но одного не отнять: ушел он красиво. Интересно, какие были его последние слова? «Твои деньги на тумбочке, дорогая» или что-то вроде того? А, Амальгама?

Амальгама де ла Конта – в миру Люси Стюарт – продолжала истерически всхлипывать и не стала отвечать, однако вряд ли Джерри был очень далек от истины. Сильно сомневаюсь, что у самой дорогой куртизанки станции была большая любовь с нашим руководством.

– Док, а вы уверены, что это была естественная смерть? – спросил я.

Джерри посмотрел на меня и изумленно задрал бровь.

– Пьянство, обжорство и постоянный тра… – Он скосил глаза на Амальгаму. – Сексуальные связи. Что может быть естественнее? Удивительно, что этот вопрос вообще пришел тебе в голову.

– А все-таки…

– Вскрытие покажет, – сказал Телегин. – Но пока нет никаких причин думать, что это было не так. Нет ничего удивительного в сердечном приступе во время… э-э-э… – Настала его очередь коситься в сторону де ла Конты. – Ну вы понимаете.

Джерри кивнул, удовлетворенный его ответом.

– Когда будут известны результаты вскрытия? – спросил я.

– Утром, – сказал Телегин. – Мне не хотелось бы этим заниматься прямо сейчас. Вызов Джерри выдернул меня из постели, и я не чувствую себя готовым кого-то потрошить без особой необходимости. Пациента все равно не спасти.

– Ты что-то подозреваешь, Алекс? – поинтересовался Джерри. – Или это просто паранойя?

– Скорее всего, паранойя, – признал я.

Три года рядом с Асадом ад-Дином и постоянными интригами, окружающими фигуру нового левантийского калифа, не проходят для психики даром. Мне казалось, что за последнее время я смог избавиться от навязчивой идеи видеть двойную игру везде где только можно, но прибытие на станцию Азима пробудило во мне эти воспоминания. С Азимом и Асадом я познакомился благодаря тому, что один из младших братьев тогда еще наследника левантийского престола вывел из строя двигатели на их корабле, в результате чего все мы на месяц застряли в джунглях атакованной скаари планеты, и если бы не второе вторжение, осуществленное Кленнонской Империей, то все мы в этих джунглях и остались бы.

– Я слышал, днем у тебя были какие-то проблемы с обезьяной, – сказал Джерри. – Никто не пострадал?

– Если не считать саму обезьяну, – сказал я. – Пара сломанных ребер, несколько ушибов, но жить будет. Больше всего мне хотелось дать в ухо владельцу животного, но я смог сдержать этот порыв. Так что – да, никто не пострадал.

– Как я рад, что мои сотрудники способны сдерживать свои порывы, – заметил Джерри. – Если бы получивший в ухо пассажир подал на нас жалобу, владельцам станции это вряд ли бы понравилось, и мне пришлось бы тебя уволить.

Я пожал плечами.

– Понимаю, что тебе все равно, – сказал Джерри. – Человек с собственным космическим кораблем – большая редкость среди рядового персонала моей службы безопасности, знаешь ли.

Несмотря на то что это далекое будущее, собственные космические корабли здесь редкость. Примерно такая же редкость, как собственные океанские яхты в моем родном времени, и я понимал, что находящийся в моем распоряжении борт будет привлекать ко мне излишнее внимание. Но деваться от этого было некуда – мне нужна была мобильность, и даже Асад настаивал на том, чтобы корабль находился у меня под рукой.

Сознательный риск сильно отличается от сознательного суицида.

Пилот я, правда, все еще был аховый.

Я могу вылететь из точки А и добраться-таки до точки Б, но погони, маневры уклонения и навыки космического боя мне освоить пока не удалось. В учебном бою лейтенант Кассад уделывал меня в девяти схватках из десяти.

Конечно, с нынешним моим судном много и не навоюешь, ибо оно предназначено не для боя, а для скоростного отхода в том случае, если развитие событий станет слишком угрожающим.

– Я вам тут еще нужен? – поинтересовался Телегин.

– В принципе нет, – сказал Джерри. – Дайте девушке какое-нибудь успокоительное и снотворное и можете считать себя свободным. Я вызову кого-

нибудь с грузовой тележкой, чтобы доставить тело в морг, а утром приступите к вскрытию.

– Только с тоннажем тележки не ошибитесь, – сухо хмыкнул Телегин, вкатил всхлипывающей Амальгаме инъекцию и убрел восвояси.

– На нас это как-нибудь отразится? – спросил я. – На персонале станции, я имею в виду?

– Что отразится? Смерть Халлена? Можно подумать, он тут чем-то занимался. Трое заместителей выполняли всю его работу, не связанную с посещением званых обедов, ужинов и коктейльных вечеринок. Если никому не сообщать о смерти Дага, никто и не заметит, что его больше тут нет.

– До тех пор, пока он не сможет появиться на званом обеде, – согласился я. – А я тут тебе еще нужен? И если уж на то пошло, зачем я вообще был тут тебе нужен?

– Ты начальник смены и должен быть в курсе, что тут происходит.

Я посмотрел на часы:

– Моя смена закончилась семь минут назад.

– Ты мне еще иск за нарушение трудового законодательства предъяви, – сказал Джерри.

– Переработки не оплачиваются, – напомнил я.

– В форс-мажорных обстоятельствах рабочий день может быть ненормированным, – сказал он.

– Где ты видишь форс-мажор? Ты сам говорил, ничего не изменится, никто ничего не заметит.

– Смерть главного администратора – это всегда форс-мажор, – сказал Джерри. – И для нас ничего не изменится только в короткой перспективе. Неизвестно, кого

Консорциум Бизнесменов назначит на место Халлена. Если это будет очередной их протеже со стороны, перемены могут быть любыми. А я не люблю перемены.

– Так Халлен был протеже Консорциума?

– В ином случае продержался бы он так долго, учитывая обстоятельства?

– Что ж, многое мне стало чуть более понятно.

– Мы почти не приносим прибыли, – сказал Джерри. – Расходы на эксплуатацию слишком велики, и с каждым годом они только растут, потому что оборудование устаревает, а космические маршруты уходят в сторону от сектора в связи с тем, что на границе может стать небезопасно. Если бы будущее было чуть более определенным, нас бы уже давно разогнали, а станцию продали на металлолом.

– Ты уже позаботился о своем пенсионном фонде?

– Акции, – сказал Джерри. – Кто знает, что они будут стоить завтра?

– Завтра и деньги могут сильно обесцениться, – сказал я. – Боеприпасы и консервы – вот твердая валюта грядущего.

– Обожаю оптимистов, – сказал Джерри.

Амальгама закончила рыдать и теперь увлеченно зевала.

– Шла бы ты к себе, – сказал ей Джерри. – Утром я пришлю кого-нибудь, чтобы взять показания.

Амальгама кивнула и двинулась к двери. Как была, в простыне. Джерри перехватил ее на половине дороги и рекомендовал одеться. Движения жрицы любви были механическими и замедленными, как у водолаза на глубине. Или как у космонавта, оказавшегося за бортом корабля. Наверное, здесь и сейчас это сравнение было более востребованным.

– Собственно, я позвал тебя не для того, чтобы ужасаться смертью Халлена – да кому он был нужен – или беседовать о жизни, трудностях, которые готовит нам

будущее, сложностях пенсионного фонда и политике Консорциума Бизнесменов, – заявил Джерри, когда мы остались одни. С нами был еще труп Халлена, но я сомневаюсь, что он захотел бы принять активное участие в разговоре. – На кого ты работаешь?

– Мне казалось, на тебя.

– Не держи меня за идиота, ладно? – сказал Джерри. – Когда ты появился здесь полгода назад с собственным космическим кораблем, туманной легендой и рекомендацией от Хасана иль-Джафири, владельца пятнадцатипроцентного пакета акций Консорциума, я удивился, но не стал задавать вопросов. Я думал, это простая инспекция, задуманная Консорциумом. Но твое пребывание здесь затянулось, а результатов инспекции все не было. Тогда я стал думать, что ты родственник кого-то влиятельного, временно сосланный сюда за какую-то провинность. Мне стало любопытно, и я решил провести небольшое частное расследование. Угадай, что я выяснил?

Я промолчал.

– Правильно, ничего, – сказал Джерри. – Обычно люди оставляют за собой хоть какие-то следы, и всегда можно найти кого-то, кто что-то знает. Но не в твоем случае. Такое впечатление, что ты и твой гребаный корабль соткались из ниоткуда за полчаса до того, как пришвартоваться к нашей станции.

– По законам жанра сейчас я должен осматривать обстановку в поисках тяжелого предмета, которым можно ударить тебя по голове? – уточнил я, видя, что руки Джерри вроде бы и расслаблены, но уже не скрещены на груди, а висят вдоль тела, находясь в непосредственной близости от набедренной кобуры.

Ленгстром носил с собой не положенный по служебной инструкции парализатор, а игольник «оса», оружие, попадание из которого в любую часть тела гарантирует служащему мишенью человеку смертельный исход. У меня был такой же, но в ножной кобуре, закрытой от любопытных глаз форменными брюками. Идеальное оружие для того, чтобы убивать людей в замкнутом пространстве космических кораблей и ремонтных станций, где лишний выстрел из плазмогана или импульсника может повредить какое-нибудь ценное и крайне необходимое для жизни оборудование или и вовсе пробить обшивку.

– Скажу честно, я не исключаю и такой возможности, – заявил Джерри. – Тяжелых тупых предметов тут полно.

Убранству апартаментов Халлена мог бы позавидовать и левантийский калиф. Если бы нынешний калиф Асад ад-Дин не был приверженцем спартанского образа жизни и был способен завидовать чему-то материальному, он бы обязательно позавидовал. Статуэтка танцовщицы, стоявшая на комоде всего в полуметре от меня, идеально подходит для проламывания голов. Если взять ее поперек плоского живота и ударить подставкой…

– То есть полгода тебя это не волновало, по крайней мере, волновало не настолько, чтобы ты решил поговорить об этом со мной, а теперь вдруг ты решил расставить точки? Что-то изменилось?

– Да.

– Что? Не смерть же Халлена подвигла тебя на этот шаг.

– Нет. Но здесь можно поговорить – мне доподлинно известно, что в комнате нет наблюдающих устройств. Я сам проверял, так как Халлен жутко боялся, что кто-то узнает о его оргиях.

– Это он просто настоящих оргий никогда не видел, – хмыкнул я. – Но если не смерть Дага, то что?

– Дерьмо находится в непосредственной близости от вентилятора, – сообщил Джерри. Эта метафора оказалась поистине бессмертной даже на комбинированном языке потомков. Я всегда подозревал, что непреходящие ценности будут носить именно такой характер. – И, судя по уже намеченной траектории, непременно в него попадет.

– Информативно, – согласился я. – И тревожно. А если конкретнее?

– Сначала ты мне ответь.

– А что бы ты хотел услышать?

– Правду, – сказал Джерри. – Хотя бы частично.

– Я – резидент разведки скаари, – сказал я. – Генетически измененный ящер, внедренный в ряды простых смертных с целью сбора информации, диверсий и саботажа. Вам конец, людишки.

– У меня нет времени на твое остроумие, – сообщил Джерри. – Ты работаешь на СБА?

– Нет.

– Верю, – сказал Джерри. – Для СБА это слишком топорная работа.

– Если бы я работал на Альянс, ты нашел бы кучу следов, свидетельствующих в пользу моей безобидности, – сказал я. – Впрочем, так бы произошло, если бы я работал на любую разведку. Создание легенд – это дело специальных отделов, которые только этим и занимаются.

Мне удалось очень ловко ввернуть в предложение слово «наверняка», которое должно было дать понять, что на самом деле я не имею ни малейшего представления о том, как делаются дела.

– Твоя легенда шита белыми нитками. Точнее, у тебя ее практически нет, – согласился Джерри. – В связи с этим у меня и возникает вопрос: на кого ты работаешь?

– Ни на кого. У меня нелады с законом на территории Альянса. – В этом месте я даже не соврал, на территории Альянса мне делать нечего. – Поэтому я обратился за помощью к надежным людям, и они создали для меня новую личность. Но на проработку деталей их возможностей не хватило.

– В этой комнате много тупых предметов, – повторил Джерри. – Но я к их числу не принадлежу. «Надежные люди» в такой ситуации не стали бы морочить себе голову, взяли бы деньги, а полиция Альянса или кто-то еще долго бы искали твой труп.

– Мне рассказать тебе про сложное выстраивание связи с «надежными людьми» и систему гарантий? Это займет какое-то время, а ты, по-моему, куда-то спешил.

– За что тебя ищут?

– Хочешь меня сдать? Награда не очень большая.

– Мне плевать на законы Альянса, – сообщил Джерри. – Тут ничья земля и законы совсем другие. Но я вроде как поддерживаю соблюдение этих законов и обеспечиваю на этой земле безопасность и хотел бы знать, кто и с какого калибра пушками может явиться сюда по твою голову. Чтобы вовремя отойти в сторону, например.

Вопрос про калибр пушек был чертовски хорошим вопросом, но ответ на него был мне неизвестен. Я искренне надеялся, что СБА забыла о моем существовании, потеряв мой след если не во Вселенной неудачников, то хотя бы после вторжения скаари, но убедить себя в этом до конца так и не смог. Калибр пушек мог зависеть от многих причин, и я понятия не имел, как развивались события после нашего с Визерсом побега из штаб-квартиры Службы Безопасности Альянса.

Но было похоже, что новой легенде Джерри поверил. Он не дурак и наверняка на этом не остановится, и я почти не сомневался в том, что он организует еще одно небольшое частное расследование, но, если он оставит меня в покое всего на пару дней, этого может оказаться достаточно.

– Я надеюсь, что никто не явится, – сказал я.

– Твои «надежные люди» имеют какое-то отношение к Левантийскому Калифату? – поинтересовался Джерри, и вот тут я насторожился.

Насторожился, но виду не подал.

– Понятия не имею. А почему ты спрашиваешь?

– Твои рекомендации были от Хасана иль-Джафири, – напомнил Джерри. – Рекомендации от такого человека, предъявленные человеком, претендующим на

роль простого работника, – это стрельба боевыми орбитальными лазерами по досаждающим огороднику грызунам.

Значит, моей легенде он не поверил. Что ж, я говорил Асаду, что это может стать слабым местом, но у калифа всегда были свои взгляды на жизнь.

– Я похож на левантийского подданного?

– Ты вообще ни на кого не похож, – сказал Джерри и снова скрестил руки на груди.

– Тогда почему ты взял меня в охранники?

– Потому что в своем резюме ты указал на наличие боевого опыта, – сказал Джерри. – Не уточняя, где и при каких обстоятельствах ты этот опыт приобрел, но все же. Я вообще не хотел тебя никуда брать, но Халлен настоял.

Халлен не мог отказать человеку с моим рекомендательным письмом. Впрочем, Джерри бы тоже не смог, если бы был на его месте. Пятнадцать процентов акций Консорциума в таких вопросах способны творить чудеса. Скорее всего, Джерри зачислил меня в службу безопасности, чтобы держать на виду.

– Я создал для тебя какие-то проблемы за то время, пока тут работаю?

– Нет, но это не может служить доказательством того, что проблем не случится и в будущем, – сказал Джерри. – Ты имеешь какое-то отношение к левантийской разведке?

– Ты о ней такого низкого мнения? Если вспомнить все то, что мы говорили про недостатки моей легенды?

– Это не ответ.

– Нет, – сказал я твердо и на этот раз не соврал. Спланированная Асадом операция была частной и ни по какому ведомству не проходила. – Никакого отношения к левантийской разведке я не имею.

– А жаль, – вдруг сказал Джерри.

– Если бы это было так, что бы это изменило?

– Кроме моего отношения к тебе? Ничего.

– Ты не хочешь рассказать мне, что происходит?

– Сам все увидишь, – сказал Джерри и посмотрел на часы. – Пойдем.

Глава 4

Кленнонцы с презрением относятся к людям и активно ненавидят скаари.

Люди с недоверием и опаской относятся к скаари и активно ненавидят кленнонцев.

Скаари ненавидят всех, в том числе и других скаари.

История взаимоотношения этих трех рас развивалась долго, сложно, с перемириями, временными союзами и многими кровавыми эксцессами, но в итоге все сложилось именно так. Изменилась бы эта ситуация, если бы подходящих для жизни планет в галактике оказалось на порядок больше, чем есть сейчас?

Не знаю. Никто не знает.

Как бы там ни было, сейчас в небольшом кабинете Джерри сошлись четыре человека, скаари и кленнонец. Все они, кроме меня, сидели за небольшим столом и старались не смотреть друг на друга. Я же согласно порученной от Джерри инструкции забился в угол и обратился в слух. Чего еще мой непосредственный начальник от меня хочет, он так и не объяснил.

– Излагайте, консул, – мрачно сказал Джерри. В связи со смертью Халлена ему досталась роль номинального председателя собрания, и роль ему явно не нравилась.

– Крейсер флота Звездной Империи Кленнона…

– Боевого флота, – уточнил консул Альянса Клеймор.

Дипломат из него был довольно-таки средненький, но хорошего дипломата сюда никто бы и не отправил. Клеймору было за семьдесят, и не похоже, чтобы прожитые годы одарили его мудростью или хотя бы толикой жизненного опыта.

– В торговом флоте нет крейсеров, – спокойно сказал консул Шаллон. Как и все виденные мною до этого кленнонцы, он был невысокий, лысый и телосложением более всего напоминал булыжник. – На корабле отказал двигатель гиперперехода, ремонт в автономных условиях невозможен. Нам требуются ремонтные площади, и мы просим, чтобы космическая станция «Гамма-74-К» нам их предоставила.

В этот момент я и осознал, насколько правдива была метафора Джерри. Дерьмо вот-вот должно было попасть в вентилятор. Собственно, оно находилось уже в считаных сантиметрах от крутящихся лопастей.

Главный инженер Земцов этого не понимал.

– У нас есть ремонтные площади, – сказал он. – Мы же изначально и задумывались как ремонтная станция.

– Это исключено, – отрезал Клеймор. – Согласно существующим договоренностям космическая станция «Гамма-74-К» является нейтральной территорией, и военное присутствие на ней недопустимо.

– На релятивистских скоростях корабль может прибыть на станцию в течение суток, – сказал Шаллон. – До ближайшей ремонтной базы Империи ему придется добираться несколько лет.

– Это ваша проблема, – сказал Клеймор. – Вышлите ремонтник, в конце концов.

– Судя по тому, что мы знаем, произвести ремонт на месте невозможно, – сказал Шаллон. – Более того, при существующих производственных мощностях его невозможно произвести и здесь, корабль со спецоборудованием уже вылетел и может быть здесь через три дня.

– Еще один ваш корабль?! – возмутился Клеймор.

– Этот не боевой, – сказал Шаллон.

– И вы готовы допустить на него наших экспертов, чтобы мы в этом убедились?

– Да, – сказал Шаллон. – Вряд ли вам что-то даст копирование наших технологий. То, что хорошо для кленнонца, для человека – смерть.

У Шаллона тоже было своеобразное представление о дипломатии.

В этом не было ничего удивительного, ибо дипкорпус Империи формировался исключительно из отставных военных, а служба в армии накладывает свой отпечаток на каждого. Впрочем, в Кленнонской Империи все значимые посты доверялись только ветеранам. Не служивший в имперской армии человек государственной карьеры сделать не мог.

Кленнон был обществом военной аристократии, и об этом нельзя было забывать ни на минуту, но Клеймор демонстрировал поразительное незнание предмета.

– И все равно я категорически против, – сказал он. – Не понимаю, почему вы не можете просто отбуксировать свой крейсер домой.

– Даже с учетом отправки сюда должного числа специалистов и соответствующего оборудования ремонт здесь обойдется нам на порядок дешевле, – сказал Шаллон. – Буксировать крейсер через гиперпространство – это очень дорогое развлечение, и Империя предпочла бы отложить его до другого раза, когда под рукой не будет других вариантов.

– А вы считайте, что их нет, – сказал Клеймор. – Потому что высадиться здесь вам никто не даст.

– Высадиться? – уточнил Шаллон. – Разве я что-то говорил о десанте?

– Мне все равно, как вы это называете.

– Послушайте, – сказал Шаллон, – эта ситуация неприятна мне так же, как и вам. Может быть, даже еще более неприятна. – (Наверняка, он ведь просит если не о помощи, то хотя бы об одолжении.) – Но прецеденты были. Мы не отказывались ремонтировать ваши корабли…

– Это было двести сорок лет назад.

– Двести сорок три, – уточнил Шаллон. – Экспедиция Таллбота. Четыре корабля были повреждены, и мы отремонтировали их на своей базе. Между прочим, на своей территории, а не на нейтральной.

Зря он это сказал. Как только Клеймор услышал об экспедиции Таллбота, его понесло.

– Начнем с того, что эти корабли были повреждены, потому что оказались в зоне испытания вашего нового оружия, и об испытании нас никто не предупреждал. – От усердия он аж загнул палец. – Вы отремонтировали корабли на своей территории, но при этом копались и в узлах и механизмах, которые не были повреждены, после чего развитие вашего флота внезапно и совершенно независимо от итогов ремонта, как я понимаю, скакнуло на десятилетия вперед. В итоге вы еще и выставили нам счет за оказанные услуги и держали часть экспедиции в качестве заложников до тех пор, пока этот счет не был оплачен.

– Вы маршруты своих экспедиций тоже с нами не обсуждаете, – парировал Шаллон. – К тому же я не понимаю, почему мы должны согласовывать с вами испытания, которые мы проводим вне границ исследованного сектора, и здесь возникает довольно закономерный вопрос о том, что там вообще делала ваша экспедиция. Это во-первых. А во-вторых, я сильно сомневаюсь, что при сходных обстоятельствах вы не поступили бы так же.

– История не знает сослагательного наклонения, – сказал Клеймор.

Скаари постучал когтем по столу, привлекая к себе внимание. Стоило ему получить это внимание, как он издал серию шипяще-рычаще-дребезжащих звуков, а мгновением позже включился его переводчик.

– Оставив в прошлом исторические прецеденты, я хотел бы знать, что крейсер Звездной Империи Кленнона вообще делал в этом секторе. – Переводчик дипломата был на порядок лучше, чем та рухлядь, используемая бойцами из клана Прадеша, с которыми мне пришлось столкнуться в партизанской войне на Новой Колумбии.

– Осуществлял патрулирование, – ответил Шаллон.

Клеймор сумел прицепиться и к этому.

– Какой смысл в патрулировании пустоты? – скептически спросил он.

– Мы предпочитаем патрулировать пустоту, чтобы быть уверенными в том, что она по-прежнему пуста, – сказал Шаллон.

Скаари кивнул и снова задребезжал.

– Мы тоже патрулируем пустоту, – сказал он. – Пустота, оставленная без присмотра, быстро перестает быть таковой.

Судя по тому, что автомат ни разу не запнулся на переводе этой фразы, представитель самой древней расы галактики знал, о чем он говорит. Интересно, что он имеет в виду и как в таком случае они прошляпили человечество, предоставив ему возможность развиться в нечто, способное представлять опасность для Гегемонии?

Или фраза про пустоту как-то связана с их религией?

На лицах Джерри и Земцова застыли гримасы вежливого непонимания, а вот затылок Шаллона ничуть не удивился. Иногда мне кажется, что, несмотря на родство людей и кленнонцев, кленнонцы и скаари понимают друг друга гораздо лучше.

Может быть, отчасти поэтому люди особенно не любят кленнонцев.

– Бред какой-то, – заявил Клеймор.

Вот из-за таких дипломатов и начинаются войны.

– Гегемония Скаари не возражает против того, чтобы ремонт был проведен здесь, – сообщил переводчик, а хвост ящера, просунутый в отверстие специального кресла, описал замысловатую фигуру в воздухе, показывая, что его обладатель сделал официальное заявление и закончил говорить.

– Ваше мнение ценно для нас, – холодно сказал Клеймор. – Но станция «Гамма-74-К» принадлежит человечеству, хотя и находится на нейтральной территории.

– Альянс опять говорит за все человечество? – осведомился Шаллон. – А человечество согласно, чтобы Альянс за него говорил?

– Официальные власти независимых систем здесь не представлены, – сказал Клеймор. Правильно, они не настолько богаты, чтобы содержать дармоедов там, где они особенно не нужны, и у них нет амбиций, чтобы наводнить своими представителями все мыслимые уголки свободного пространства. – Поэтому я отвечаю на ваш вопрос – да. Да, в данном случае Альянс говорит за всех.

– Смелое заявление, но вы создаете проблему там, где ее нет, – сказал Шаллон. – Чего вы боитесь? Если бы нам была нужна эта станция, а такую ситуацию мне довольно сложно представить, мы нашли бы способы ее захватить, не прибегая к столь изощренным уловкам.

– Мне неизвестны ваши намерения, – сказал Клеймор. – Может быть, лобовому штурму вы предпочли бы захват изнутри.

– Штурму? – удивился Шаллон. – А что тут штурмовать, да еще и в лоб? Кого тут подавлять огнем? Две установки противометеоритной обороны? Стоило бы одному боевому кораблю вывеситься на расстоянии удара, как станция с радостью и облегчением сдалась бы на милость победителя и согласилась на все наши условия. А штурм обычно предполагает наличие хоть какого-то сопротивления.

– Значит, этого вы и хотите? – Я уже заметил, что Клеймор, как обычно, слышит только то, что хочет слышать, а факты, не подтверждающие его теорию, откидывает как несущественные. – Подойти на расстояние удара?

– Зачем для этого придумывать такие сложности? – спросил Шаллон. – Если бы мы хотели «этого», то корабль вывалился бы из гипера спустя несколько секунд после того, как ваши приборы уловили бы колебания поля. И вся боевая мощь Альянса, довольно неповоротливая кстати, ничего не смогла бы нам противопоставить. А сейчас я прошу всего лишь о разрешении на ремонт. Персонал станции, как я понимаю, не возражает, представитель Гегемонии тоже. Все упирается в вас, консул.

Консул наконец-то задумался.

Отношения между Альянсом и Империей были довольно натянутые, и соглашение, в результате которого имперский боевой флот обрушился на клан Прадеша, ничего к лучшему не изменило. Сейчас консул обдумывал, какой шаг будет наиболее безопасен с точки зрения долговременной стратегии.

Для меня ответ был очевидным.

Допуск нуждающегося в ремонте военного корабля в нейтральную зону – это уступка со стороны Альянса, и ее можно будет использовать в качестве козыря на следующих переговорах. Дескать, а помните «Гамму-74-К»? Тогда мы пошли вам навстречу…

С другой стороны, отказ в допуске ничего хорошего в будущем не сулит. Сразу кленнонцы реагировать не будут, но обиду все равно затаят.

Это если все пройдет гладко и если рассматривать только дипломатическую сторону вопроса.

Как обитателя ремонтной станции, о которой идет речь, меня не слишком вдохновляла идея о том, что поблизости будут разгуливать кленнонские военные, только что вернувшиеся из длительного автономного патрулирования. В таком состоянии любые военные – не самые приятные и предсказуемые люди во Вселенной.

А если учесть, что они еще и не люди…

Но на месте Клеймора я бы долго не сомневался и разрешил ремонт. В конце концов, связанная с этим решением головная боль обрушится отнюдь не на его голову, а у дипмиссии есть свой собственный корабль для эвакуации персонала консульства в том случае, если события выйдут из-под контроля и начнут угрожать человеческим жизням.

И тут Клеймор продемонстрировал свой талант в полной мере. Он умудрился найти решение, которое превратило просто неприятную ситуацию в ситуацию почти катастрофическую, причем я не вполне уверен, нужно ли здесь использовать слово «почти».

– Сколько солдат на корабле? – спросил он.

– Экипаж и две роты десанта, – сказал Шаллон. – В сумме двести пятьдесят человек.

– Две роты? И что они патрулировали в таком количестве?

– Мне кажется, это мы уже обсуждали. А численность рядового состава на боевом корабле определяю не я.

– Хорошо, – сказал Клеймор. – Я не буду возражать против ремонта, но только при соблюдении одного условия.

– Могу я его услышать? – поинтересовался Шаллон.

Клеймор, взявший было театральную паузу, посмотрел в потолок и изрек:

– Все то время, которое потребуется вам для ремонта, в локальном пространстве станции будет находиться боевой корабль Альянса, сходный по классу с вашим поврежденным судном и имеющий на борту аналогичное количество десантников.

– Справедливо, – согласился Шаллон, и все посмотрели на скаари.

– У Гегемонии нет возражений.

– Отлично, – сказал Шаллон. – Итак, решение принято, и я отправляюсь в консульство, чтобы известить о нем тех, кого оно непосредственным образом касается.

– Я тоже пойду, – заявил Клеймор.

Консул скаари не стал задерживаться и покинул совещание сразу вслед за ними. Каша была заварена, и те, кому предстояло ее расхлебывать, остались наедине друг с другом.

– И вот эти люди занимаются политикой, – сказал Джерри. – Как тут не сомневаться, что войны не избежать?

– Не может быть, чтобы все они были такими, – сказал я.

– Да, – согласился Джерри. – Я подозреваю, что остальные еще хуже. Клеймор дурак, но не злонамеренный. Виктор, в каком ремонтном отсеке мы можем разместить целый крейсер?

– Как раз сейчас я об этом думаю.

– У тебя есть два часа, – сказал Джерри. – По истечении срока сообщи мне о принятом решении, и я начну думать, как этот отсек обезопасить.

– Думаешь, кто-то захочет ворваться в отсек и попытается сделать кленнонцам больно?

Меня бы больше беспокоили не те, кто могут ворваться в отсек, а те, кто могут оттуда вырваться. Но похоже, что единственным знакомым кленнонцем Земцова был консул Шаллон, и он понятия не имел, на что способны имперские штурмовики.

– Два часа, – повторил Джерри.

– Без толку, шеф, – сказал я, когда входная дверь закрылась за спиной главного инженера. – Даже если мы вооружим весь техперсонал и наберем добровольцев из числа шатающихся здесь штатских, у нас не хватит сил для того, чтобы сдержать две роты имперского десанта.

– Поэтому Клеймор и организовал нам «подмогу», да?

– Если Альянс сойдется с Империей в бою, станции конец, кто бы там в итоге ни победил, – сказал я.

– У тебя действительно есть наличие реального боевого опыта?

– Да, – сказал я.

Сейчас вранье уже не имело смысла – со всеми свалившимися на него проблемами Джерри придется отложить свое частное расследование хотя бы на пару дней. А потом, скорее всего, все это уже станет неважным.

– С кем ты воевал? С кленнонцами?

– Со скаари.

– Где?

– Не на космических станциях, – сказал я. – Опыта боя в замкнутом пространстве у меня нет, если тебя именно это интересует.

Реального боя. Тренировочные бои не в счет, «Черных драконов» учат драться где угодно, даже в верхних слоях газообразных гигантов типа Юпитера. Но мне еще не доводилось проверить, насколько хорошо меня научили.

– Меня удивило, что скаари не начал брыкаться, – сказал Джерри. – Учитывая, как вели себя остальные двое…

– Скаари все равно, – сказал я. – Если люди сцепятся здесь с кленнонцами, Гегемония от этого только выиграет. Это же очевидно.

– Очевидно… Я знал, что задумал Клеймор. Мы с ним разговаривали сразу же после того, как кленнонцы запросили о помощи, а случилось это часа три назад, – сказал Джерри. – Честно говоря, я до последнего момента надеялся, что ты все-таки резидент СБА с полномочиями, которые перекроют полномочия консула, и сможешь отменить это идиотское решение. Свести пятьсот солдат враждебных армий на небольшом клочке пространства посреди космоса – это идиотское решение. Пожалуй, самое идиотское, которое я когда-либо видел.

– На судах есть офицеры, которые должны понимать, чем это чревато, – сказал я. – Они постараются не выпускать десантников с кораблей.

– Знаешь, сколько времени занимает ремонт скачкового двигателя? – поинтересовался Джерри. – Месяцы. Кто знает, что может произойти за такой срок?

Он прав.

Если ситуацию удается держать под контролем пару дней, это еще не означает, что по истечении пары месяцев она не может пойти вразнос.

Дежурные потеряют бдительность, солдаты озвереют от скуки и отправятся в жилые сектора в поисках развлечений, если не в законное увольнение, то в самоволку… Способов улизнуть из ремонтного отсека, где будет заперт крейсер, лично я знаю штук пять. И это я еще вопросом вплотную не интересовался.

Жилой сектор у нас небольшой, и увеселительные заведения там по пальцам пересчитать можно. Шансы, что за несколько месяцев скучающие и ищущие развлечений штурмовики Империи ни разу не столкнутся со скучающими и ищущими развлечений десантниками Альянса, стремятся к нулю. А если или, вернее, когда столкновение все-таки произойдет, существует нехилая вероятность, что и те и другие сразу же перестанут скучать.

Зато развлекутся в итоге очень многие.

Глава 5

Единственный закон природы, в который я безоговорочно верю, – это закон сохранения фигни.

Не знаю, как в других случаях, но в моем он действует безотказно. Если долгое время в моей жизни не происходило никакой фигни, это не значит, что главный распределитель фигни, сидящий в уютном кресле и посмеивающийся над всеми нами, про меня позабыл. Та фигня, которая со мной не произошла, никуда не исчезает, она накапливается, а потом вываливается на голову в один присест.

Фигни в моей жизни не происходило довольно долго, и это означало, что ее накопилось уже достаточное количество. Когда-нибудь сие количество наберет критическую массу и станет фатально несовместимым с жизнью, но я надеялся, что это еще не тот случай и на этот раз мне все-таки удастся выкрутиться.

Космическая ремонтно-перевалочная станция «Гамма-74-К» (в обиходе просто «станция», потому что произносить каждый раз полное название – язык сломаешь, а народным прозвищем она за все годы так и не обзавелась) была пережитком того времени, когда человечество и Кленнон жили в относительном мире и согласии и активно исследовали приграничные сектора. Когда стало окончательно ясно, что искать вне исследованного сектора космоса особо и нечего, острая необходимость в станции отпала, Консорциум Бизнесменов решил, что сдавать ее в утиль будет экономически невыгодно, и постарался найти своей собственности другое применение.

Главная привлекательность станции заключалась в том, что астероид, на базе которого она была построена, считался ничейной территорией, и здесь не действовали законы ни одной из населяющих Галактику рас. А поскольку единственным, что волновало Консорциум Бизнесменов, всегда была прибыль, созданием собственного кодекса поведения никто особо озадачиваться не стал. Здесь легализовали запрещенные в большинстве систем азартные игры, проституцию, наркотики (на территории Альянса к наркотическим средствам относились и кофе с сигаретами), и результат не заставил себя долго ждать. На какое-то время станция превратилась в космическое подобие Лас-Вегаса, куда стекались деньги из близлежащих систем.

Ведомые запахом денег, спустя всего несколько лет в сектор пришли пираты, а следом за ними подтянулись боевые соединения ВКС Альянса, у которого Консорциум Бизнесменов попросил помощи. В результате долгих маневров и нескольких быстротечных столкновений пиратов из сектора удалось выбить, но

репутация станции оказалась подпорчена, времена былого благополучия остались в прошлом, и поток денег превратился в хилый ручеек.

В память о тех временах на астероиде осталось два казино, представительства нескольких крупных торговых корпораций и дипломатические миссии заинтересованных сторон. Но с каждым годом сюда приезжает все меньше и меньше людей, и есть подозрение, что станция перестала приносить своим владельцам прибыль. А это значит, что скоро тут что-то должно измениться. Желательно, чтобы эти перемены начались тогда, когда меня самого здесь уже не будет.

Додумывая эту оптимистичную мысль, я сунул электронный ключ в электронный замок, толкнул дверь от себя и уже был готов щелкнуть выключателем верхнего освещения, как сработало мое чувство опасности.

Я сделал резкий шаг в сторону, и иголка, летевшая мне в грудь, вонзилась в стену напротив моей двери. Со стороны это выглядело так, как будто я рассмотрел смертоносный снаряд в полете и сумел от него увернуться.

– Охренеть, – сказал голос из темноты. – А повторить такое сможешь?

Вот так и рождаются легенды об Избранных. Интересно, а Нео действительно умел уворачиваться от пуль или просто знал, куда они прилетят? И так ли уж принципиальна разница?

Прижимаясь спиной к стене и доставая свой собственный игольник из кобуры на ноге, я надеялся, что убийца не прихватил с собой оружие посерьезнее. Удара плазмы внутренние переборки станции не держат. Правда, стрелять из плазмомета на космической станции будет только идиот или самоубийца, но кто знает…

Логика ситуации требовала, чтобы я вызвал подмогу. Убийца сидит в помещении, единственный выход из которого перекрываю я, и до прихода подкрепления никуда деться не сможет. А если он не один…

Где был бы я, если бы я был вторым стрелком? Прятался бы за углом – до него метров двадцать – или… или за любой из ближайших дверей.

Пожалуй, я бы выбрал второй вариант, чтобы использовать эффект неожиданности. Первому стрелку такая тактика успеха не принесла, но я бы не стал обвинять его в неудачном планировании или недостатке старания. Любой другой человек на моем месте, скорее всего, уже был бы мертв.

Чувство опасности молчало.

Я начал отступать по коридору, стараясь произвести как можно меньше шума – а вдруг ребят на самом деле двое и они умеют стрелять по звуку – и обдумывая дальнейшую стратегию, когда со стороны моих апартаментов послышался очередной шорох. Я распластался по стене и направил оружие в сторону дверного проема.

Тишина.

Он видел, куда я отскочил. Значит, он тоже знает, в какую сторону целиться.

– Ты никуда не ушел?

Я не такой дурак, чтобы ответить. Неужели второго стрелка все-таки нет?

Я попытался поставить себя на место промахнувшегося убийцы. Ему нужно было валить отсюда, пока единственный выход перекрывает один человек. Как только явится запрошенная мною подмога – кстати, почему я ее еще не попросил? – ситуация для него сильно усложнится, и уходить придется с боем. А поскольку игольник – оружие смертельное при любом попадании, то будут трупы. Неоплаченные трупы.

Профессионалы потом скажут, что это была очень небрежная работа. Профессионалы не любят наносить «попутный ущерб», у них от этого имидж портится.

Главное в таких ситуациях – реагировать не теряя времени. Когда благоприобретенное чувство опасности заявляет, что я занимаю неправильное положение в пространстве, я сначала меняю это положение, а потом задумываюсь об остальном.

Такой подход сработал и в этот раз. Я резко присел на корточки, и игла с нейротоксином вонзилась в стену над моей головой. Второй стрелок оказался умнее – он не выскакивал в коридор и вел огонь через заранее проделанное отверстие в стене. Стрелять из оружия, пробивающего стены, все-таки никто не решился.

Отверстие было всего несколько сантиметров в диаметре, и вычислить второго стрелка мне удалось лишь по наклону, с которым игла вошла в пластик стены. Не слишком надеясь на успех, я всадил в него сразу две иглы, а третью подарил первому стрелку, выпрыгнувшему из моей комнаты в красивом пируэте.

На пол он упал уже мертвым – нейротоксин игольника убивает мгновенно.

Второй стрелок затих, но я даже не надеялся, что мне удалось его уложить, стреляя наугад. Я ушел из зоны поражения, но самым поганым было, что я не мог определить, какой именно комнате принадлежит отрезок стены с проделанным отверстием, а значит, черт его знает, какую дверь мне надо будет выбивать. Или какой двери мне следует опасаться.

Пока под подозрением их было две…

Стрелок облегчил мне выбор, еле слышно щелкнув замком. Я всадил в образовавшийся зазор три иголки, не услышал звука падающего тела, и в дуэли наступила очередная пауза.

Всего на десять секунд. Оставшийся в живых стрелок понимал, что ничего хорошего из этой ситуации ему не высидеть, а потому предпочел действовать быстрее. Высунув из-за косяка руку с игольником, он начал поливать коридор смертоносными иголками, но тут ему не повезло – он слишком уж промахнулся, пытаясь угадать мое местоположение. Я всадил иголку ему в запястье – единственную часть тела, находившуюся в зоне видимости, – и все было кончено.

Третьего стрелка не обнаружилось.

Минутой позже я уже затащил оба мертвых тела в апартаменты, из которых стрелял второй, и, вооружившись плоскогубцами, пошел собирать торчащие в стенах иглы. Я специально выбрал для жилья пустующий сектор станции, но это

не значит, что по коридору, кроме меня, вообще никто не может пройти. А стоит ему хотя бы поцарапаться, как нейротоксин сделает свое дело.

Даже отработавшая свое после выстрела иголка представляет смертельную угрозу в течение еще трех дней. Да и потом ее сложно назвать совершенно безвредной.

За этим занятием меня и застукал полковник Визерс…

Когда мы познакомились, Визерс работал в СБА и утверждал, что возглавляет там научный отдел, который подверг меня всяческим экспериментам и исследованиям, и часть их оказалась весьма неприятной и болезненной. Когда СБА убедилась, что ничего не понимает в феномене эйдетической памяти и моего не подверженного ментоскопированию мозга, Визерс заявил, что работает на Слияние, тайную организацию, ратующую за союз Альянса и Кленнонской Империи против Гегемонии Скаари.

Эта организация устроила мой побег из штаб-квартиры СБА и засунула меня во Вселенную неудачников, выбираться откуда мне пришлось уже самостоятельно. С тех пор Визерса я ни разу не видел, хотя и не могу сказать, что я о нем не вспоминал. Меня не оставляла уверенность в том, что рано или поздно он все равно объявится, и вот он объявился.

Правда, он выбрал для своего визита не самый подходящий момент, да и против рефлексов не попрешь… Я успел затормозить только в самую последнюю секунду.

– Убрал бы ты игольник, – посоветовал Визерс. – Если бы я хотел твоей смерти, вряд ли пришел бы за ней сам.

Я снял палец со спускового крючка и сунул игольник за пояс. Визерс наклонился, поднял с пола плоскогубцы, которые мне пришлось бросить, чтобы достать оружие, выковырял из стены очередную иглу и аккуратно положил ее в пластиковый контейнер, который я держал в левой руке. Заодно он сумел оценить его содержимое.

– Еще недавно здесь плясала смерть, – патетически заявил Визерс. – Изображаешь из себя живую мишень? Занятие достойное не мальчика, но мужа.

– Я тоже очень рад тебя видеть, Сол, – сказал я.

– Правда, не особенно удивлен, – сказал Визерс. – Мне нравятся люди, которые не удивляются моему появлению. А еще мне нравятся люди, которые убирают за собой. Где трупы?

– За той дверью.

– Гражданские среди них есть?

– Нет.

– Аккуратно сработано, – сказал Визерс. – Что будешь делать?

– С чем?

– С трупами.

– В технической зоне есть шикарный мусоросжигатель.

– Одобряю, – сказал Визерс. – А способ доставки?

– Гравиносилки.

– Я вижу, ты все продумал.

– У меня были неплохие учителя.

– Ты и сам многому научился. – Вместо очередной иголки Визерс демонстративно вытащил из стены миниатюрную камеру и положил ее себе в карман. Значит, они за мной следили. А теперь, значит, они за мной не следят. Или хотят убедить меня в том, что теперь они за мной не следят. Осталось только узнать, кто же эти «они». – Скажи, как тебе удается уворачиваться от выстрелов?

– Хорошая реакция и развитое периферийное зрение.

– Ага, как же, – хмыкнул Визерс. – Рассмотреть иглу с нейротоксином можно только в одном случае – когда она летит тебе в глаз, и, как правило, это становится последним, что ты разглядел.

– И какова же твоя версия?

– Мы еще об этом поговорим, – пообещал Визерс. – Ну вроде бы здесь закончили. Подгоняй тележку, я помогу тебе погрузить тела.

Доставка трупов к мусоросжигателю прошла без приключений, и вскоре от двух потенциальных убийц не осталось и следа. Обычно с органикой на космических станциях так не поступают – слишком она дорогая для того, чтобы просто сжечь, – но тут случай был исключительный, и мне вовсе не хотелось, чтобы Джерри снова начал задавать мне вопросы.

Официально меня можно было обвинить только в незаконном ношении игольника, так как полученное от юристов Консорциума разрешение на хранение не позволяло мне таскать смертоносное оружие с собой. Все остальные мои действия не превышали необходимых пределов самообороны. А вот что касается моих обязанностей в службе безопасности… Сейчас я совершал настоящее преступление. Согласно должностной инструкции я должен был доложить о происшествии по команде, составить рапорт, принять все меры к идентификации нападавших и сделать еще великое множество весьма трудозатратных телодвижений, но… я точно знал, что никакого отношения к безопасности станции это нападение не имело. А также что ни Джерри, ни кто-либо другой никак не могли мне помочь избежать подобных нападений. Так что все мои официальные действия лишь только добавили бы Джерри еще немного головной боли, без каких бы то ни было практических результатов. И заметно осложнили бы жизнь мне самому. Поэтому трупы отправились в мусоросжигатель, оставив мне на память только несколько микроскопических кусочков кожи, пару волосков и пару снимков сетчатки. Впрочем, я был уверен, что это никому и никак не поможет…

– Кофе, – сказал Визерс, когда мы закончили свои дела у мусоросжигателя. – Мне нужен кофе.

– Кофе – это запрещенный напиток, – напомнил я ему.

– Мы сейчас не на территории Альянса, – сказал Визерс. – А в чужой монастырь со своим уставом и все такое…

– Неподалеку есть кафе, – согласился я.

Хотя народу в кафе оказалось опять-таки немного, сесть за столик Визерс отказался наотрез, мотивируя это тем, что нам надо поговорить с глазу на глаз. Мы взяли термос с бодрящим напитком и направились в мои апартаменты. Похоже, что в этот ночной цикл поспать мне так и не удастся. Вот-вот должна была начаться очередная серия шпионских игр.

Впервые за долгое время мне отчаянно захотелось курить.

Глава 6

– Итак, – сказал Визерс, устраиваясь в кресле и наливая кофе из термоса в большую чашку. – Нам с тобой надо очень многое обсудить, а времени у меня только до утра. Поэтому начнем с главного…

– На кого ты теперь работаешь, полковник? – спросил я. – На данный момент это и есть главный вопрос, который меня интересует.

– Странный вопрос, – сказал Визерс. – Я работаю в СБА. И я генерал.

– Поздравляю с повышением.

– Пустое, – отмахнулся Визерс. – Я был генералом уже тогда, когда мы с тобой познакомились.

– То есть ты мне врал?

– Отчего же? Я сказал тебе, что возглавляю отдел научных исследований СБА, и это было чистой правдой. А звание… Так ли оно важно?

– Если оно неважно, почему же ты сразу не представился генералом?

– Психологический момент. Генералы вызывают куда меньше доверия, чем полковники, – сказал Визерс.

– Тогда зачем сейчас рассказал?

– Потому что сейчас это не главное, – сказал Визерс. – Кроме того, сейчас ты мне и так поверишь.

– С чего бы? – удивился я.

– Не начинай, Алекс, – сказал он. – Я долго готовился к этому разговору и тщательно продумал то, что я собираюсь тебе сказать.

– Расскажи мне о нашем побеге, – попросил я. – Никакого Слияния не существует, так?

– Существует, – сказал Визерс. – Я его придумал лет двадцать назад.

– Для чего?

– Для того чтобы объединить Альянс с Кленнонской Империей и противостоять скаари, – терпеливо объяснил Визерс. – Я считал, считаю и буду считать, что большая война по принципу «каждый за себя» не закончится ничем хорошим ни для кого из участников. К сожалению, ни Генеральная Ассамблея, ни император Таррен Второй не разделяют этой идеи.

– Я просто пытаюсь понять, предатель ты или нет, Сол.

Хотя уже понятно, что нет. Если бы наш побег был настоящим, черта с два ему удалось бы вернуться на прежнее место службы. Выкрутиться из такой ситуации не смог бы и сам Штирлиц.

– Я разведчик, – сказал Визерс.

– Прекрасный ответ, – сказал я, вспомнив слова британского агента Холдена. – Разведчик – это профессиональный лжец.

– Ты странный человек, Алекс, – сказал Сол. – У меня создается такое впечатление, что тебе совсем неинтересно, зачем я пришел к тебе сегодня. Тебя больше интересует то, что было вчера.

– Наверное, это потому, что я сам – пережиток прошлого, – сказал я. – А может быть, потому, что у меня накопилось слишком много вопросов, на которые ты тогда не ответил.

– Технически это был самый настоящий побег, – сказал Визерс. – Стрельба, погоня, орбитальная бомбардировка города, из-за которой отключилось поле… Мы действительно могли свернуть там шею, но шанс был исчезающе мал. Все это было сделано для того, чтобы ты поверил, что ты на самом деле избавился от нашего поводка.

– Но ведь не избавился? На самом-то деле?

– Избавился, но чуть позже, – сказал Визерс. – Мы не вмешивались в твою военную карьеру, хотя и знали, что планета, на которую ты получишь свое первое назначение в качестве пехотинца, попадет под удар клана Прадеша. Но мы рассчитывали, что тебе удастся эвакуироваться с остальными силами Альянса. Никто не мог предсказать появление на планете Асада ад-Дина и тот факт, что за ним придется лезть в пекло, и тем более никто не мог угадать, что в группу спасения отправят именно тебя. Вот там мы тебя и потеряли.

– А до этого…

– До этого мы следили за тобой, – сказал Визерс. – Не контролировали каждый твой шаг, но следили за тем, в какую сторону ты идешь.

– Передайте привет агенту Балленбахеру.

– Как раз этот был настоящим социком, – сказал Визерс. – Не считай нас за дилетантов, ладно? Для того чтобы за кем-то следить, совсем необязательно жить с ним в одном пенале.

– Что ж, логично, – сказал я. – Но это все не отвечает на главный вопрос.

– Позволь мне угадать, – сказал Визерс. – Главный вопрос – зачем мы вообще все это устроили?

– Ты угадал.

– Когда стало понятно, что при нынешнем развитии технологий мы не сможем исследовать феномен твоей памяти, а из твоего пребывания в штаб-квартире мы больше ничего не выжмем, встал вопрос о том, что делать дальше. Вскрытие черепной коробки, которым тогда тебя пугали, было только одним из вариантов, и мало кто надеялся, что мы обнаружим там что-то, чего не могли обнаружить до этого при помощи приборов. Просто отпустить тебя мы не могли, так как ты знал слишком многое из того, чего никому вне СБА знать не положено, а использовать тебя в качестве агента означало потратить несколько лет на твое обучение. И потом, особого дефицита агентов мы не ощущаем, а единственное твое преимущество в качестве шпиона не так уж очевидно. Единственное известное нам на тот момент преимущество, – поправился Визерс. – Новый талант обнаружился у тебя только в военном лагере, и тогда мы были удивлены не меньше тебя.

Выходит, они действительно за мной следили. Я подозревал что-то подобное с самого начала. Вселенная неудачников подарила мне достаточно времени, чтобы продумать несколько версий происходящего.

– Вам было любопытно, что я буду делать, оказавшись в «свободном полете», или же вас больше интересовало, кто и что захочет сделать со мной?

– Нам все было интересно, – сказал Визерс. – Я не исключал вообще ни одного варианта. Главное было – сделать так, чтобы не только ты, но и все остальные, кто мог тобою заинтересоваться, поверили в твой побег. В то, что СБА больше не имеет к тебе никакого отношения.

– И ради этого вы даже нанесли орбитальный удар по собственному городу? – спросил я. – Или это у вас спецэффекты такие?

– Этот город давно заслужил, чтобы в него пальнули с боевого спутника, – сказал Визерс. – Успокойся, бомбардировка была настоящая, но мы устроили ее не ради тебя. Это был гениальный план, разработанный в недрах идеологического отдела. Четыре выстрела накрыли здание, где проводила свои собрания оппозиционная партия, по чистой случайности, разумеется, и теперь обсуждения законопроектов в Генеральной Ассамблее проходят куда спокойнее. Остальная пальба была нужна для нагнетания атмосферы хаоса, которой мы и воспользовались.

– И много оппозиционных лидеров погибло?

– Двое. Но они были самые горластые.

– Вот за это я и люблю демократию, – сказал я. – И никакой тирании, никакого кровавого террора, никаких зловещих подвалов, пистолетов на столе и яркого света в лицо.

– Сейчас неподходящее время для демократии.

– А оно когда-нибудь было подходящим? – поинтересовался я. – Она у вас хоть когда-нибудь была, эта демократия, в вашем самом демократическом из всех альянсов?

– У тебя все равно права голоса нет, – заметил Визерс. – Ты – социк и дезертир. По законам военного времени тебя вообще расстрелять можно.

– Но ты здесь не для этого, генерал. Не так ли?

– Ты удивишься, но я здесь вообще не из-за тебя, – сказал Визерс.

– Я уже удивился, – подтвердил я. Не мог же Визерс прибыть на станцию из-за ситуации с кленнонским кораблем, который вот-вот свалится нам на голову. Это было бы слишком быстро даже для генерала СБА, если, конечно, не его сотрудники организовали поломку прыжкового двигателя на имперском

корабле. – Тогда кому же я обязан счастьем снова лицезреть тебя, генерал?

Вместо ответа Визерс достал из кармана портативный компьютер, нажал несколько кнопок, и в воздухе появилось голографическое изображение чьей-то головы. Фотографическая память подсказала, что я этой головы никогда раньше не видел, ни отдельно от тела, ни вместе с ним.

– Знаешь его?

– Нет.

Изображение сменилось.

– А этого?

– Нет.

– А его?

– Нет.

– Ну вот я здесь ради одного из них.

– Которого именно?

– А какая разница, если ты все равно никого не знаешь?

– Разница в том, что я все-таки работаю в местной службе безопасности и хочу быть готов к любого рода неожиданностям, – сказал я. – Потому что я не знаю его и не знаю, зачем он вам нужен, но вас-то я знаю. Если в качестве прикрытия своей операции вам понадобится взорвать эту станцию, времени на принятие этого решения вам потребуется секунд пять, не больше.

– Если тебя так уж беспокоит безопасность этой станции, то на твоем месте я больше волновался бы по поводу идиотской идеи Клеймора, решившего свести здесь десантников Альянса лицом к лицу с кленнонскими штурмовиками.

– Ты знал об этом?

– Еще до того, как вы начали совещаться. Не думаешь же ты, что информация об идиотизме нашего консула могла пройти мимо меня?

– Почему же ты не вмешался? – Я не верил, что у генерала всемогущей СБА нет полномочий, способных остановить Клеймора. – Ты же сам понимаешь, какие последствия может иметь это решение.

– Это не моя работа, – сказал Визерс. – Начать войну, вести войну и проиграть войну они могут и без моего участия, для этого есть политики и стратеги. А из меня плохой политик, а стратег еще хуже. Все эти перемещения боевых соединений в пространстве и прочие маневры вызывают у меня только зевоту.

– А в чем же тогда заключается твоя работа?

– Найти способ победить.

– И каковы шансы на успех?

– Пока такой способ мне неизвестен, – сказал Визерс. – Но это не значит, что такого способа не существует.

– Разрабатываете очередной проект абсолютного оружия?

В ходе одного такого эксперимента и состоялось мое триумфальное прибытие в мир будущего. СБА искала способ использовать туннель в пространственно-временном континууме, для того чтобы изменить настоящее путем изменений в прошлом. Они хотели сделать так, чтобы в настоящем никаких скаари вообще не было. Переписать историю галактики начисто и стереть из нее любые упоминания о Гегемонии.

– Я не люблю складывать все яйца в одну корзину, и мы работаем над несколькими альтернативными проектами, – сказал Визерс.

– Как поживает профессор Мартинес?

– Никак, – сказал Сол. – Он мертв.

– Жаль, – сказал я, и мне действительно было жаль. Профессор Мартинес был одним из немногих, кто в числе первых встретил меня в этом времени и относился ко мне, как к человеку, а не подопытному кролику. – Как это случилось?

– Темпоральный проект накрылся, – сказал Визерс. – После инцидента, в итоге которого здесь оказался ты, было принято решение, что держать исследовательскую станцию в том времени, когда на планете жили люди, слишком опасно. А при попытке забросить ее в кембрийский период что-то пошло не так. Произошел внезапный массированный выплеск энергии, в результате которого была уничтожена платформа в Тихом океане и все оборудование. Весь обслуживающий персонал погиб. Одно только хорошо: теперь мы точно знаем, что спусковым крючком для процесса вымирания динозавров послужил вовсе не прилетевший невесть откуда астероид. Это были мы, что ставит под вопрос целесообразность дальнейших исследований. Теперь мы вообще не уверены, что можем изменить прошлое своими действиями.

– Вот тебе и «эффект бабочки», – пробормотал я.

– Какой эффект? – не понял Визерс. Он не читал Брэдбери.

– Неважно, – сказал я. – И каков твой план? Хотя бы в общих чертах?

– Аналитический отдел считает, что война начнется в течение ближайшего полугода и будет очень продолжительной. Речь идет даже не о годах, а о десятилетиях, но, как ты понимаешь, это довольно приблизительные расчеты, потому что невозможно предусмотреть все. – Визерс сделал паузу и отпил кофе. – В итоге две цивилизации будут практически уничтожены, а победитель получит ущерб, от которого не сможет оправиться на протяжении нескольких веков. Это, как ты понимаешь, если технологии войны останутся на сегодняшнем уровне развития, что тоже невозможно гарантировать. Любой прорыв может изменить ситуацию кардинальным образом.

– Кто начнет войну? – поинтересовался я. – Что ваши аналитики думают по этому поводу?

– Семьдесят с чем-то там процентов за то, что это будет Альянс. Этого требует даже не внешняя, а внутренняя его политика. Милитаристические настроения идут на спад, и, если партия власти хочет остаться таковой, ей необходимо будет предпринять решительные меры.

– Мило, – сказал я. – А кто победит? Скаари?

– Восемьдесят семь и четыре десятых процента за то, что это будет Кленнон, – сказал Визерс.

– И вот теперь я снова удивился, – сказал я. – Если тупо подсчитать общую численность, то кленнонцев же меньше всего.

– Не численностью единой выигрываются войны, – сказал Визерс. – Кленнон – это жестко структурированное общество, более других готовое к войне и потерям. Кленнонцы считаются даже лучшими бойцами, чем скаари. Кленнонцы превзошли всех в области генной инженерии и могут быстро восполнять ущерб среди рядового состава, а их боевые корабли ненамного уступают нашим. Правда, при самом благоприятном исходе Кленнону придется заплатить за победу жизнями примерно девяноста процентов населения. Самые большие шансы выжить будут у дальних колоний, на которые воюющим жалко тратить корабли. Но цивилизацию это, как сам понимаешь, не удержит.

– А сколько процентов за то, что победит Альянс?

– Около трех, – сказал Визерс. – Как раз в пределах статистической погрешности.

– Невесело, – сказал я.

Интересно, каким образом они это просчитали? Даже самый умный компьютер затруднится при обработке такого количества вариантов, а умные компьютеры тут не любят. Однажды умные компьютеры чуть не устроили человечеству Судный день как раз по сценарию первых двух серий «Терминатора».

– Таков баланс сил на сегодняшний момент, – сказал Визерс. – Три силы, находящиеся в зыбком равновесии.

– Логика ситуации подсказывает мне, что изменить баланс можно только двумя способами, – сказал я. – Ослабить одну сторону или усилить другую.

– Есть еще один способ, – сказал Визерс. – Ввести в уравнение четвертую силу.

– Может быть, теоретически это и верно, – согласился я. – Но на практике – где ж ты ее возьмешь? Или я что-то очень важное пропустил?

– Не пропустил, – успокоил меня Визерс. – Я ищу четвертую силу уже двадцать лет, но пока не нашел.

– У вас тут случайно не бродит легенда о древнем флоте боевых кораблей, принадлежащем, допустим, Предтечам и потерянном в пространстве? Флоте, где каждый корабль в бою стоит целой эскадры и несет на борту вооружение, способное уничтожить целую планету? Флоте, который только и ждет своего нового владельца и готов гостеприимно распахнуть свои бронированные люки перед первым встречным?

– Впервые слышу такую чушь, – сказал Визерс. – Кто тебе это рассказал?

– Никто. Просто я читал о чем-то подобном. Когда-то очень давно. – А потом консул скаари заговорил о патрулировании пустоты и о том, какие усилия надо предпринять, чтобы она продолжала оставаться пустотой, и в моей голове возникли такие ассоциации и всплыли воспоминания о прочитанных в детстве книгах. Говорить всего этого Визерсу я не стал. – Но что тогда ты имеешь в виду под «четвертой силой»? Еще один вид разумных существ?

– Исследованный сектор галактики похож на оазис посреди пустыни, – сообщил мне Визерс. – Мы заперты в этом оазисе, вокруг нас только бесплодные пески, а водоема не хватит на всех.

– Очень красивая метафора. Емкая, – сказал я. – И надо найти либо другой оазис, либо каких-нибудь бедуинов, которые встанут на нашу сторону в битве за старый водоем? А ты не думал о том, что бедуинов может терзать та же проблема и они предпочтут выкинуть из оазиса всех?

– Появление бедуинов в любом случае нарушит баланс сил, и Альянс получит хоть какой-то шанс. Пока таких шансов нет. А когда я говорю об Альянсе, я имею в виду все человечество. У независимых миров нет сил, чтобы выстоять в одиночку.

– Асад ад-Дин придерживается другого мнения.

– Значит, Асад ад-Дин заблуждается, – сказал Визерс.

– У него тоже есть аналитики.

– Не надо петь мне эти песни про маленькое, но гордое государство, способное дать отпор любому врагу, – сказал Визерс. – Асад не зря заигрывает с Империей на протяжении уже десяти лет. Адмирал Реннер давно вхож в его дом и является чуть ли не личным другом. Это что, по-твоему, просто так? Асад похож на человека, который хоть что-то делает просто так?

– Непохож, – согласился я.

– И вот так, поговорив о состоянии дел в галактике и глобальных проблемах, ждать которых осталось не так уж долго, мы плавно подходим к разговору о тебе, – сказал Визерс. – Тебе очень нравится изображать из себя живую мишень?

Что ж, я и не сомневался, что Визерс полностью в курсе истинной причины моего нахождения на этой станции.

– Не очень, но Асад попросил…

– Понятно, – сказал Визерс. – Асад попросил, а ты не мог ему отказать. Особенно если помнить все то, что он для тебя сделал после Новой Колумбии.

– Да, как-то так.

– Мне кажется, ты до конца не разобрался в личности своего благодетеля и кое-чего о нем просто не понимаешь.

– Ты с ним знаком?

– Заочно. Я читал его досье и тщательно изучил психологический портрет.

– Попробуй меня удивить.

– Это будет уже третий раз за сегодня, – заметил Визерс. – Асад – человек сложный.

– Я пока не слишком удивлен.

– Я понимаю, что он тебе нравится, – сказал Визерс. – Со стороны он должен производить очень хорошее впечатление. Кодекс чести, боевое братство, все дела. Но он политик, и, прежде всего, он – человек практичный.

Я зевнул. Пожалуй, чуть более демонстративно, чем следовало.

– Он унаследовал титул и сейчас занимается укреплением своих позиций, – продолжал Визерс. – А укрепленные позиции – это очень важно, когда речь идет о семейной политической свалке вроде Леванта. Как минимум трое его братьев недовольны выбором отца и готовы пойти на решительные меры, чтобы переломить ситуацию в свою пользу. Я прав?

– Ты прав, но я все еще не удивлен.

– У Асада четверо сыновей, и из них только один достиг возраста, в котором он может наследовать титул, – сказал Визерс. – И поскольку Асад понимает, в каком серпентарии он живет, наследника круглосуточно стерегут «Черные драконы».

– Досье, говоришь, читал? Изучал психологический портрет? Пока вся твоя информация не выходит за рамки того, что можно прочитать в общем доступе в новостях любого информационного агентства.

Насчет серпентария Визерс абсолютно прав.

Левантийский Калифат очень старомодное государство, и любимым способом решать вопросы наследования там до сих пор является заказное убийство. На Новой Колумбии Асад сам чуть не пал жертвой заговора, когда оказалось, что у

корабля, который должен вывести его из-под удара скаари, поврежден прыжковый двигатель.

Диверсии, интриги и саботаж являются неотъемлемой частью политической жизни Леванта. И в центре одной из таких интриг сейчас находился я.

– Два дня назад Асад официально тебя усыновил. В одностороннем порядке, благо законы Леванта это позволяют. Поздравляю, кстати.

– Не с чем. Это фикция, – сказал я.

– Лично я бы назвал это провокацией, – сказал Визерс. – Вызовом, брошенным в лицо недовольным братьям. Попыткой вызвать реакцию с их стороны, заставить их сделать первый ход.

– Первый ход уже сделан, – сказал я.

– Да, он закончился в мусоросжигателе. От какого количества выстрелов ты еще сможешь увернуться?

– Время покажет.

– Не глупи. Везение, или что там еще тебе помогает, не может длиться бесконечно. Асад использует тебя, чтобы дразнить своих оппонентов. Привел во дворец чужака, отдал его на обучение «Черным драконам», подарил ему космический корабль, назвал сыном… Любой может сделать неправильный вывод о том, что ты являешься фаворитом в гонке за очередной титул. Кто-то такие выводы уже сделал, не так ли?

– Допустим.

– Ага, допустим. И вот ты сидишь на задворках исследованного сектора космоса и изображаешь из себя мишень для любого, кто хочет попрактиковаться в стрельбе и наступить на хвост новоиспеченному левантийскому калифу. А дальше что?

– В смысле?

– Какое будущее ты для себя видишь в этом качестве? – поинтересовался Визерс. – Я надеюсь, ты же не думаешь, что сможешь занять место Асада на самом деле?

– Если бы существовала хоть малейшая возможность, что я могу оказаться на его месте, я ни за что бы не согласился на тот план.

– Ну-ну, – сказал Визерс. – Хорошо, ваш план увенчался полным и безоговорочным успехом, Асад вычислил всех своих врагов, прочно укрепился на троне, и… что дальше?

– Откуда мне знать? Я не пророк.

– А тебе не приходит в голову, что в дальнейшем лишний человек, имеющий хотя бы номинальные права на престол, будет ему только мешать? Асад, как я уже говорил, человек практичный. Как только неудобства от твоего существования начнут перевешивать выгоды, ты сразу же перестанешь существовать.

– Ты какой-то странный, – сказал я. – Сначала ты утверждаешь, что в течение полугода начнется большая война, которая отодвинет на второй план все местные дрязги, а с другой стороны, рассуждаешь о моем будущем в мире, который к тому моменту может уже и не существовать. Все эти телодвижения не имеют особого смысла.

– Даже если война начнется прямо в этот момент, у нас есть пара лет в запасе, – сказал Визерс. – Ни у кого в исследованном секторе космоса нет опыта ведения галактической войны, так что до многого придется доходить своим умом. Первая фаза войны будет позиционной. Маневры, удары на упреждение, ложные атаки… Очевидно же, что тот, кто первым предпримет массированную атаку на планету, сразу же схлопочет удар возмездия. После чего эскалация конфликта будет неизбежна, и вот тогда и начнется вторая, более активная фаза войны.

– Это тоже ваши аналитики предсказали?

– Это я и сам вижу, – сказал Сол. – Левант вряд ли окажется в списке первоочередных целей, так что… думай сам.

– Ты пока не нарисовал никакой альтернативы.

– Альтернатива – это я.

– Угу, – сказал я. – Асад, значит, человек практичный, а ты действуешь сугубо из альтруистических побуждений и вообще всегда мне симпатизировал.

– Я тоже практичный, – сказал Визерс. – Но дело в том, что сейчас выгоды, которые я могу из твоей персоны выжать, мне самому неочевидны. Это на уровне интуиции, а я своей интуиции доверяю.

– Дело в том, что я не доверяю тебе. Не только твоей интуиции, а тебе в целом.

– Я тебе почти никогда не врал, кстати, – сказал он.

– Да, ты часто говорил правду, – согласился я. – Но проблема в том, что ты еще ни разу не сказал мне всей или даже хотя бы достаточной части правды.

Полковник… генерал Визерс улыбнулся. СБА делилась информацией по принципу «знать только то, что нужно для дела», но и этот принцип действовал только по отношению к ее сотрудникам и партнерам. Всем остальным они нагло врали или не говорили вообще ничего.

– Правду нужно говорить вовремя, – сказал Визерс. – Не вовремя сказанная правда может быть разрушительнее самой наглой лжи.

– Ты кого-то цитируешь или сам это придумал?

– Сам, – сказал Визерс. – Хотя и не исключаю, что кто-то мог прийти к таким же выводам раньше меня.

– Это все совершенно лишние в данной ситуации умствования, – сказал я. – Что конкретно ты имеешь мне предложить?

– Работу на СБА.

– А как же «потратить несколько лет на мое обучение» и все такое?

– На Леванте тебя должны были многому научить, – хмыкнул Визерс. – К тому же я сейчас говорю не об агентурной деятельности.

– А о чем? Хочешь опять запереть меня в лаборатории?

– Если бы я хотел вернуть тебя в исследовательский сектор СБА, то мы бы сейчас вели эту беседу в моем кабинете на Земле, – сказал Визерс. – Удерживать тебя против твоей воли мне невыгодно. Я хочу, чтобы ты согласился на сотрудничество по собственному желанию.

– Мне кажется, ты опять чего-то недоговариваешь, – сказал я. – И в чем суть работы, которую ты хотел бы мне поручить?

Визерс щелкнул несколькими клавишами своего компьютера, и между нами возникла трехмерная звездная карта. Исследованный сектор космоса находился в самом ее центре, был обозначен зеленым цветом и имел размеры баскетбольного мяча. Целиком же голограмма заняла почти полкомнаты и охватывала чуть ли не всю галактику.

Может быть, еще и пару соседних.

И вправду – оазис посреди пустыни.

– Видишь сектор, выделенный красным? Прямо над изголовьем твоей кровати?

– Вижу, – сказал я. – Это довольно далеко отсюда.

– Полгода пути, – сказал Визерс. – Если идти на максимальной скорости, можно уложиться в четыре месяца, но тогда придется совершать очень длинные прыжки, а это, как ты понимаешь, крайне вредно как для корабля, так и для экипажа. Поэтому я бы ориентировался на полгода. Мы готовим туда экспедицию, и я хотел бы, чтобы ты вошел в ее состав.

– И что там находится?

– Я не знаю.

– Вот слова, которые я меньше всего ожидал услышать.

– Зато это та самая правда, которую ты так жаждал узнать, – сказал Визерс. – В означенном секторе расположены три звездные системы, в общей сложности четырнадцать планет. И это все данные, которыми мы располагаем на текущий момент.

– Тогда что же вас так заинтересовало?

– Это единственный кусок пространства, о котором у нас нет вообще никакой информации, – сказал Визерс. – Три звезды, четырнадцать планет, и больше мы не знаем ни-че-го. – Он произнес последнее слово по слогам. – Ни один отправленный туда корабль, включая беспилотники, так и не вернулся.

– Тем не менее вы готовите очередную экспедицию, и ты хочешь, чтобы я вошел в ее состав?

– Да.

– Должны существовать менее сложные способы свернуть мне шею.

– Не льсти себе. Это не ради тебя затеяно.

– Тогда объясни мне, ради чего все это затеяно, – сказал я. – Четырнадцать планет, даже если все они окажутся земного типа, с атмосферой, материками и пригодным для жизни температурным режимом, а этого не бывает в принципе, стоящие перед Альянсом проблемы перенаселения они все равно не решат. К тому же эти три системы находятся слишком далеко, чтобы быстро начать колонизацию. И плюс ко всему, когда эта твоя экспедиция вернется, а это случится через год, здесь уже будет идти война. Пусть в маневренной и менее кровопролитной фазе, но остановить ее известием о десятке новых необжитых миров ты все равно не сможешь. Или ты думаешь, что найдешь там эту свою четвертую силу? Четвертую расу?

– Не исключаю такой возможности.

– Чушь, – сказал я. – Четырнадцать планет – это даже в самом лучшем случае где-то пять-шесть обитаемых миров, так? Остальное – газовые гиганты и безжизненные куски породы, неспособные удержать атмосферу или находящиеся слишком далеко от звезды. В то же время Кленнонская Империя насчитывает четыре десятка обитаемых миров, а это самое малое из образований, которые вступят в конфликт. Планеты скаари исчисляются сотнями. Раса, освоившая всего пять-шесть миров, на расклад сил повлиять неспособна.

– А тебе не кажется странным, что ни мы, ни кленнонцы, ни скаари ничего не знаем об этом секторе пространства? – поинтересовался Сол. – И главное, так до сих пор и не смогли о нем ничего узнать, хотя такие попытки предпринимались неоднократно.

– Там может быть что угодно, – сказал я. – Какая-нибудь неизученная космическая аномалия, которая губит корабли, кажется мне более простым объяснением. Версия с четвертой расой притянута за уши.

– Между прочим, это не я ее озвучил.

– Но ты особо и не возражал.

– Я лишь сказал, что не исключаю такой возможности, – сказал Визерс. – Я сейчас вообще никаких возможностей не исключаю. Может, там вообще ничего интересного нет, а корабли оттуда не возвращались из-за длинной цепи случайностей.

– Ладно, отбросим на минуту версии о том, что там можно найти, – сказал я. – А почему ты рассчитываешь, что следующая экспедиция сможет вернуться и рассказать, в чем там дело?

– Из-за ее состава, – сказал Визерс. – Я набираю туда особых людей.

– Например?

– Как тебе удается уходить от выстрелов? – Этот вопрос он мне сегодня уже задавал. – Только на этот раз скажи мне правду, без чуши о прекрасной реакции

и феноменальном зрении.

– Я чувствую, – сказал я.

– Что именно?

– Опасность.

– Ты видишь будущее?

– А ты сам веришь, что такое возможно?

– Ты удивишься, когда узнаешь, в какое количество странных вещей я верю, – сказал Визерс. – Так что, ты видишь будущее?

– Нет, я же сказал. Я чувствую опасность, но не могу сказать, откуда конкретно она исходит.

– Сколько раз это срабатывало?

– Больше двух.

– И как далеко ты способен заглянуть… почувствовать?

– Не больше пары секунд, – сказал я.

– То есть ровно столько, сколько требуется более-менее тренированному человеку, чтобы уйти от непосредственной опасности, – сказал Визерс. – Интересно, а что будет, если в тебя гранату кинуть? Термическую?

– Я очень быстро и красиво умру.

– За две секунды ты не успеешь выйти из зоны поражения, – задумчиво сказал Визерс, словно на самом деле размышлял, не стоит ли швырнуть в меня термической гранатой. – И тут возникает интересный вопрос. Ты либо умрешь, либо сможешь заглянуть в будущее дальше чем на две секунды.

– Сие от меня не зависит, – сказал я. – И этот вопрос относится к категории тех, ответ на которые я бы не стал искать экспериментальным путем.

– А как ты сам думаешь, откуда у тебя эта способность?

– Понятия не имею, – сказал я.

– Но хоть какие-то версии есть?

– Одна. Это может быть как-то связано с тем, что я прошел темпоральным туннелем и живу не в своем времени.

– То есть до того, как ты оказался в настоящем, ты за собой таких способностей не замечал?

– В прошлом в меня особо и не палили, – сказал я и сам удивился, как легко с моего языка сорвалось слово «прошлое», относящееся к моему родному двадцать первому веку. Раньше я предпочитал думать о нем как о «настоящем», а время, в котором жил сейчас, привык называть «будущим». Похоже, сейчас я так уже не думаю. Я и сам не заметил, в какой момент произошел этот сдвиг в моем сознании.

– Любопытная версия, но теоретическую базу я под нее подвести не могу, – сказал Визерс. – По крайней мере, вот так, с ходу. Но вот что меня интересует – сможешь ли ты почувствовать опасность, грозящую космическому кораблю, на борту которого ты летишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/musanif_sergey/manevry-neudachnikov

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить